

INSPIRIA

ТЕМНЫЕ ИСКУССТВА

ОСКАР
ДЕ МЮРИЭЛ

INSPIRIA

Ток. Логика и игра

Оскар де Мюриэл
Темные искусства

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

де Мюриэл О.

Темные искусства / О. де Мюриэл — «Эксмо», 2019 — (Ток. Логика и игра)

ISBN 978-5-04-117421-7

1889 год, Эдинбург. Большое семейство устраивает спиритический сеанс – популярную забаву викторианской эпохи. Провести его приглашают гадалку по имени мадам Катерина. Но наутро после сеанса все приглашённые оказываются мертвы – за исключением Катерины. Гадалке грозит казнь за убийство шестерых, но она клянётся, что невиновна. Распутать это загадочное дело предстоит двум инспекторам шотландской полиции – Десятипалому Макгрею, известному своей кипучей натурой и любовью к оккультным наукам, и Иэну Фрею, чопорному денди с отличными дедуктивными способностями. Фрея и Макгрея ждет масса испытаний – от судебного противостояния с подлейшим прокурором в городе до встречи с самой преисподней. Читайте потрясающий викторианский детектив с парочкой чертовски обаятельных сыщиков. Вам не захочется раскрывать загадку, лишь бы остаться с этими джентльменами подольше! «Чрезвычайно занимательная викторианская загадка» – The New York Times «Новый поворот в традиционной головоломке запертой комнаты... без сомнения, лучший роман де Мюриэля. „Темные искусства“ – это жуткая и готическая смесь хоррора и юмора.» – Crime Review

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-117421-7

© де Мюриэл О., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

1883	7
[I]	7
[II]	11
1889	14
Пролог	14
Часть 1	18
1	20
2	25
3	29
4	32
5	34
6	39
7	45
8	50
9	55
10	61
11	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Оскар де Мюриэл Темные искусства

Copyright © Oscar de Muriel, 2019

© Ключарева Д., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

*Книгу посвящаю моей дорогой сестричке Оливии.
Наконец-то!*

Я видела свою смерть.

Я видела виселицу.

Я видела, как ликует толпа вокруг.

Я чувствовала петлю на шее;

Как она душит меня;

Как лопается кожа.

И ты был рядом.

И слезы текли у тебя по лицу.

Ты всегда был рядом...

А. К. Драгня

1883

[I]

2 июля

**Публичное слушание по делу о смерти мистера Джеймса
Макгрея, эсквайра, и его супруги Амины Макгрей
(в девичестве Дункан) в шерифском суде Данди**

Доктор Клоустон неохотно вышел вперед. В зале суда стояла загробная тишина, и его шаги прозвучали оглушительно. Руки у него дрожали, и он сжал их в кулаки, чтобы не выдать волнения. Взгляды присутствующих, все как один неприязненные, сверлили его так, словно убийцей был он сам.

С высоко поднятой головой он дошел до свидетельской скамьи, принес присягу и сел дожидаться, пока к нему подойдет прокурор.

Тот же, совершенно лысый, с черепом, блестящим как полированный мрамор, явно не спешил: перекладывал и изучал свои бумаги, не придавая внимания тому, что весь зал замер в напряженном безмолвии.

Клоустон взглянул на молодого Адольфуса Макгрея, который только что дал показания. Ему было двадцать пять, и он, рослый и широкоплечий, с волосами цвета воронова крыла, выделялся среди прочих слушателей. Бледный, как полотно, он разглядывал свою перевязанную ладонь, которую прижимал к груди. Рана на ней еще не до конца затянулась.

– Доктор Томас Клоустон, – внезапно произнес прокурор, от чего многие в зале суда вздрогнули, – из Эдинбургской Королевской лечебницы для душевнобольных.

Зачитывая должность доктора и гнусно при этом ухмыляясь, он приблизился к Клоустону. Тот заметил у прокурора во рту свинцовый зуб.

– Верно, это я, – сказал доктор, сразу же проникшись неприязнью к обвинителю.

– Можете поведать нам о событиях того вечера?

– Я здесь для того, чтобы дать показания о душевном состоянии мисс Макгрей.

– О, ну извольте уж, доктор.

– Я получил телеграмму, которая сообщала о том, что на мистера Макгрея и его жену было совершено нападение, – недовольно начал свой рассказ Клоустон. – Что они, к несчастью, погибли. Что сын их был ранен, а дочь пришлось запереть в спальне. Когда я прибыл на место...

– Нет-нет, доктор, – прервал его прокурор. – Расскажите, что происходило до того. Хотелось бы узнать, с чего в тот день все началось.

Клоустон фыркнул.

– О том, что случилось, мне известно лишь со слов сына мистера Макгрея и слуг. Не понимаю, как пересказ чужих показаний может...

– Будьте добры, – вмешался шериф со своего возвышения, – ответьте на вопрос прокурора. – Слова «будьте добры» в его исполнении больше походили на рык.

Клоустон откашлялся. Чем скорее он исполнит свой долг, тем быстрее все это закончится.

– Как мне рассказали, Адольфус и Эми, сын и дочь мистера Макгрея, вышли из дома в начале вечера. Погода была хорошая, поэтому, несмотря на время, они отправились кататься верхом. Через некоторое время они спешили, чтобы дать лошадям отдохнуть, и расположились на берегу небольшого озера, которое граничит с землями их имения. Некоторое время они беседовали, пока мисс Макгрей не сообщила о своем недомогании и...

– О каком именно недомогании?

– Опять-таки я всего лишь повторяю то, что...

– О каком?

Клоустон раздраженно потер усы.

– Ее брат сказал, что она жаловалась на головную боль и одышку. Она решила вернуться до...

– Одна?

– Да.

– В какой час это было?

– Полагаю, что перед закатом.

– Вы сказали, что они вышли в начале вечера. Вы считаете, что за это время они успели бы уехать достаточно далеко, чтобы лошадям потребовался отдых, затем побеседовать – и все это до наступления заката?

– Вы когда-нибудь слышали о солнцестоянии, мистер Пратт?

Весь зал грянул хохотом, и при звуке собственного имени у прокурора непроизвольно задергался рот.

– Просто мне кажется странным, – недобрым тоном произнес он, – что юная леди решила ехать верхом одна по дикой местности, когда день уже, судя по всему, клонился к закату.

– Так ведь это были их владения. Девушка наверняка сотни раз ездила там в одиночестве.

– И она настояла, чтобы брат ее не сопровождал?

– Он только что сам об этом сказал – вы же его слышали.

– Юная леди плохо себя чувствует и отказывается от сопровождения, несмотря на подступающие сумерки. После чего впадает в неистовство и убивает двоих людей в собственном доме. Неужели такая ситуация не кажется вам подозрительной?

– Подозрительной?

– Она была в здравом рассудке, когда покинула брата, так?

– Да.

– Но спустя считанные минуты превратилась в безжалостную убийцу?

На этих словах Адольфус вскочил, впившись взглядом в прокурора. Тучный пристав, стоявший рядом, усадил парня на место. Уже не в первый раз за сегодня молодой человек терял самообладание.

Клоустон набрал воздух.

– Это исключительная перемена, но не немислимая. Увы, устройство человеческого разума все еще загадка для нас.

Прокурор кивнул, правда, с сардонической ухмылкой.

– То есть вы признаете подозреваемую невменяемой?

– Совершенно верно. Девушка находится у меня под наблюдением.

– И когда вы поместили ее в ваше, кхм, весьма уважаемое заведение?

– На следующий же день.

– Вот как?

– Да. Она представляла опасность и для себя, и для окружающих. Она напала на меня в нашу первую встречу.

– Ах, да, – сказал обвинитель, повернувшись к Бетси, приземистой старенькой горничной Макгреев, и Джорджу, их дворецкому в летах. – По словам этих слуг, вы приехали и одолели мисс Макгрей без каких-либо затруднений.

Клоустон надулся, чувствуя западню.

– Да. Так и было.

Прокурор усмехнулся.

– Девушке удалось убить двоих здоровых взрослых, нанести увечье брату, который, как все мы видим, тоже далеко не тростинка... и все же вы, доктор, остались невредимы.

Клоустон огладил свою длинную темную бороду.

– Все верно. Когда я прибыл на место, мисс Макгрей была изнурена от голода и обезвожена. Слуги заперли ее в спальне, и никто не отваживался к ней приближаться. Бедная девушка целый день ничего не ела и не пила. Она смогла поднять нож лишь на миг. Ринулась ко мне и упала в обморок.

Клоустон краем глаза взглянул на присяжных. Некоторые из них кивали.

– Она что-нибудь сказала? – спросил обвинитель. – Прежде чем лишилась сознания?

Этого-то момента все и ждали. Присутствующие вытянули шеи и наострили уши. Некоторые вылупили глаза. Слухи уже поползли, но все-таки именно Клоустон был тем, кто слышал последние слова девушки.

– Напоминаю, доктор, вы под присягой, – наседали прокурор.

Клоустон взглянул на Адольфуса. Они обсуждали этот момент. В голубых глазах молодого человека читалась мучительная мольба. «Не говорите им», – казалось, заклинал он доктора.

Но он был под присягой...

Доктор сглотнул и выплюнул следующие слова:

– Она сказала: «*Я не сумасшедшая...*»

По залу пронеслись вздохи и шепотки. Обвинитель с победным видом прошагал к жюри присяжных.

– Девица сама заявила, что не безумна! И если она не безумна, то эти убийства следует считать...

– *Да что за бред вы несете!* – взревел Клоустон, вскочив на ноги. Его раскатистый голос заткнул рты всем присутствующим. – За последние двадцать лет я перелечил сотни пациентов. Девять из десяти заявляют, что они не сумасшедшие. Предлагаете мне поверить им на слово и выпустить всех на свободу, мистер Пратт?

Зал снова зашелся в хохоте, от чего лысина прокурора залилась пунцовым цветом. Клоустон продолжил, не дожидаясь, пока стихнет гвалт:

– Сразу после тех слов мисс Макгрей также сказала, что все это происки дьявола.

В мгновение ока смех превратился в ахи и вскрики ужаса. Вот что люди жаждали услышать. Вот что напечатали следующим утром во всех газетах Данди и Эдинбурга.

Клоустон бросил на Адольфуса встревоженный взгляд. Молодой человек, совершенно разбитый, сидел, вцепившись в свою повязку здоровой рукой. Клоустон всем сердцем сочувствовал ему, но правда должна была прозвучать во всеуслышание...

Он посмотрел на присяжных в упор.

– Мисс Макгрей, хрупкая девушка шестнадцати лет, обратилась против отца и матери, в которых *души не чаяла*, и убила их. Она буквально озверела, и ее пришлось связать и напоить успокоительным. Нет сомнений, что она была не в себе. Она... – Клоустон опустил взгляд, в голосе его зазвучала горечь. – Возможно, рассудок к ней уже не вернется.

Его слова надолго повисли в тишине, пока обвинитель не развеял ее, прищелкнув языком.

– До чего печальная история – и до чего неубедительная. Девушка должна предстать перед судом.

– *Что?* – взвыл Адольфус из зала.

В толпе раздались аплодисменты и ликование, кое-кто из мужчин возбужденно потирал руки. Юная девушка в суде – всегда увлекательное зрелище.

Прокурор заметил, что беспокойные присяжные шепчутся друг с другом, и язвительно добавил:

– Боюсь, что невменяемость девушки необходимо тщательным образом...

– *Ее невменяемость уже доказана!* – провозгласил Клоустон, обращаясь напрямую к шерифу и присяжным. – Сегодня утром я предоставил суду исчерпывающий отчет, и все вы можете с ним ознакомиться. Мой коллега из Инвернесса уже в пути, и я уверен, что он подтвердит мои заключения. Все они отвечают требованиям закона о невменяемости.

Обвинитель подкрался к нему, словно волк на охоте.

– И все это время вы будете прятать потенциальную убийцу в своем заведении?

Адольфус в очередной раз вскочил.

– *Ах ты кретин поганый!*

По сигналу шерифа двое приставов спешно вывели его из зала суда. Клоустон заговорил еще до того, как они скрылись за дверьми.

– А чего вы добиваетесь, мистер *Прайт*? Чтобы девушку привезли сюда, где ее выставят на посмешище? От этого не будет никакого толку – разве что вы утолите свое нездоровое желание посмотреть, как у всех на виду унижают беспомощное существо. – Он повернулся к шерифу и присяжным: – Все происходит по закону. Девушке здесь не место. Суду следует проявить к ней хоть каплю человеческого сострадания.

– А она с состраданием отнеслась к собственным родным?

В зале поднялась шумиха. Люди вставали, хлопали, свистели и требовали, чтобы девушка предстала перед судом. Они жаждали ее крови, ее чести.

Клоустон почувствовал, как к глазам подступают слезы ярости. Он представил себя и Макгреев дичью в клетке, окруженной сворой охотничьих псов, которые вот-вот сорвутся с привязей.

[III]

Цыганка, закутанная в темную накидку с капюшоном, остановилась у входа в паб. Она прикоснулась к двери ладонью, которую венчали выкрашенные в черный изогнутые ногти, но помедлила, прежде чем войти. Она огляделась по сторонам, изучая Королевскую Миллю. В этот час на мощеной улице было пустынно. Тишина стояла даже в кабаке.

– Хотите, с вами зайду? – предложил ее слуга, сидевший на козлах.

– Нет, – ответила цыганка. – Подожди здесь.

Она беззвучно ступила внутрь и осмотрелась. В помещении было очень темно, золотистое свечение исходило лишь от тлеющих угольков, а в воздухе висел густой дух дешевого эля – цыганка опознала в нем бражку собственного производства.

Посетителей в пабе было немного; кучка людей, состоявшая из главных пропойц Эдинбурга, нависших над своими кружками и стопками, и тех, кого тяготили такие пороки, какие не утопишь и в самом крепком напитке.

Наследника Макгреев заметить было нетрудно. Ее соглядатаи сообщили, что он завел привычку носить броский тартан, но, даже не будь на нем этих брюк, совсем не сочетавшихся с жилетом, она бы все равно узнала его по высокой, крепко сбитой фигуре – все газеты писали о нем.

Она думала, что застанет его в отчаянии – печальной тенью человека с налитыми кровью глазами, потягивающей из бутылки односолодовый виски. Но вместо этого детина всю обжимался с хозяйкой паба.

Они сидели в темном углу зала, переплетя конечности в тесном объятии, словно парочка осьминогов.

Цыганка направилась к ним, по пути хлестнув полой накидки самого пьяного из присутствующих. Он воззрился на нее, покачал головой и присвистнул.

– Ого! Парочка у тебя что надо!

Она не оглянулась и не сбавила шаг.

– Прокляла бы – будь у тебя что терять.

Ее хлесткие слова, произнесенные с чудным акцентом откуда-то из Восточной Европы, задели противника за живое. Мужчина потупился, пряча залившееся краской испитое лицо.

Цыганка остановилась у стола, за которым сидела парочка, и хохотнула.

– Не теряешь время, моя дорогая. Так держать!

Хозяйка паба вскочила, ее щеки пылали так же ярко, как и грива ее рыжих локонов.

– Мадам Катерина!

Цыганка улыбнулась.

– О, не красней, Мэри! По крайней мере, ты делаешь успехи: от этого толку побольше будет, чем от того голодранца, на которого ты месяц назад просила навести порчу. – Она понизила голос. – И, кстати, те бородавки уже небось проклевываются одна из другой.

Она опустила на стул Мэри, и молодой Макгрей тут же возмущенно шелкнул пальцами.

– Эу! Я вас садиться не приглашал.

Они обменялись взглядами в безмолвной дуэли характеров. Его голубые глаза против ее ярко-зеленых. И те, и другие – с хитрецей.

Она заговорила первой.

– Думаю, ты будешь рад услышать то, что я собираюсь тебе рассказать, – она расстегнула плащ и спустила его с плеч.

Взгляд Макгрея тут же сполз на ее выдающуюся грудь, самую внушительную в Эдинбурге, – предмет гордости, подчеркнутый глубоким декольте.

Цыганка улыбнулась. Ее прелести всегда сбивали недругов с толку.

– Желаете ли выпить, мадам? – спросила Мэри, пока Макгрей подбирал свою челюсть с пола.

– Да, дорогая моя. Но что-нибудь приличное, а не ту мочу, что я сбываю тебе для продажи.

Мэри подмигнула ей.

– Я вам принесу односолодовый с винокурни Макгреев. Они свое дело знают, – направившись в кладовку, Мэри бросила на Макгрея заговорщицкий взгляд.

Он не оценил ее веселость.

– Не хочу показаться грубым, дорогуша, – сказал он, – но пора бы вам отвалить.

– О! Ты очень занят, мальчик мой?

– Ага. Ногти сраные полирую, не видно, что ли?

Один из пропойц хохотнул:

– Ну, теперь-то побыстрее дело пойдет!

Макгрей проглотил остатки своего виски и метнул в мужлана стакан. Он попал тому прямо промеж глаз и разбился вдребезги. Пьянчуга взвыл, вскочил и попытался сжать ладонь в кулак, но затем споткнулся, зашатался и посмотрел на свою руку, словно впервые ее увидел. Он грубо выругался и, покачиваясь, побрел на выход.

– Адольфус! – процедила Мэри, возвращаясь с непечатой бутылкой. – Это третий за сегодня постоянный клиент, которого ты спугнул! Он мог бы еще бутылку прикончить!

– Уверена, что мой заказ покроет эти потери, моя дорогая, – сказала Катерина, наливая себе щедрю порцию виски. – И обещаю тебе, что этого-то не спугну.

– Вот-вот спугнете, – ощерился Макгрей.

Мэри стиснула его руку.

– Я на минутку отойду, Адольфус. Послушай мадам Катерину, – с этими словами она поспешила в кладовку, явно сговорившись с пышногрудой цыганкой.

Макгрей вздохнул.

– Какого черта вам надо?

Он переплел пальцы. Совсем недавно ему сняли повязку, но швы на обрубке пальца, отсеченного его сестрой, все еще являли собой жуткое зрелище.

– Безмянный, на правой руке, – произнесла цыганка с меланхолией в голосе. – Как и писали в газетах.

– Угу. Рад, что этот не потерял – или вот эти два.

Цыганка улыбнулась.

– Ты мне нравишься. – Она крутанула стакан, втянула запах напитка и сделала большой глоток. Поморщилась. – Ах, и правда приличное пойло!

– Я не любитель спрашивать дважды. Какого черта вам?...

– Я верю тебе, мальчик мой.

Макгрей поднял взгляд, в котором отразился свет очага – голубые глаза вспыхнули янтарем.

– Не играйте со мной, – пригрозил он, положив ладонь на стол и медленно сжав ее в кулак. – Я повидал достаточно шарлатанов вроде вас. Плутуете и врите ради пущих грошей.

– Не равняй меня с ними, мальчик. Я очень сочувствую твоему горю.

– Да вам-то какое дело?

Она криво улыбнулась.

– Я знаю, каково это. Я потеряла родителей, когда была совсем мала. Тебе еще повезло.

– *Повезло!* Да уж.

– Ты крепок, у тебя есть дом и винокурни... – она втянула аромат напитка. – У меня ничего такого не было. Я была нищенкой со странным акцентом, одна-одинешенька. За буханку плесневелого хлеба или ночь под крышей платила сам понимаешь чем. Иногда...

Она умолкла, словно проглотив слова, которые собиралась произнести. Она сделала большой глоток и прокашлялась.

– Но я пробилась. Я больше не потерянная, беспомощная девчонка и никогда больше ею не буду. Поверь, я здесь не для того, чтобы попрошайничать или нажиться на твоём горе. Я готова помочь, пусть даже никто не помог мне, когда я оказалась на улице.

Макгрей скривился – то ли сочувственно, то ли раздраженно. Цыганка улыбнулась, заметив проблеск соперничества. Вот он, её шанс – трещина в скорлупе этого юноши.

– Ты ведь кое-что увидел, – прошептала она, и её голос вводил в транс, как шипение змеи. – То, чему не можешь найти объяснения... Тебя даже посещала мысль, что ты и сам сошел с ума.

Макгрей молчал. Он смотрел на неё не мигая, его грудь медленно вздымалась.

– Ты видел дьявола, не так ли? Видел его рога и опаленную плоть. Видел, как он убежал. Было такое?

Макгрей едва дышал.

– Откуда вы знаете?

Цыганка положила ладони на стол – ногти на них походили на когти орла.

– Я вижу такие вещи, мой мальчик. Я вижу, что с твоей младшей сестрой случилось нечто чудовищное. Нечто невыносимо ужасное.

В этот момент дверь распахнуло сквозняком, от чего угольки в очаге замерцали.

– За такими вещами тянется след, мой мальчик, – продолжила она. – От них несет смрадом. Смрадом демонов.

У Макгрея открылся рот. Весь Эдинбург только и судачил, что о показаниях Клоустона. О том, что Фиалка¹ упомянула дьявола, писали во всех газетах. Ему хотелось крикнуть об этом, схватить эту женщину и вытолкать её отсюда прочь, однако в глазах её было нечто такое, от чего он никак не мог отвернуться. Она смотрела на него почти по-матерински пронизательно. Цыганка подалась к нему и прошептала:

– Ты же видел, что случилось там на самом деле, так ведь? Ты видел то, что вижу я.

Холод с улицы пробирал Макгрея до костей. Он редко мерз, но все-таки поежился.

– Я вижу еще кое-что, – торопливо произнесла цыганка, будто достучаться до зябнувшего Макгрея стало проще. Она улыбнулась, но уже теплой, утешительной улыбкой. – Возможно, для твоей сестренки еще есть надежда. Пока еще есть.

Макгрей напрягся всем телом; это оцепенение было словно щит, которым он сдерживал цыганку. Эта женщина говорит ему те самые слова, которые он так жаждал услышать. Тем больше причин оставаться настороже.

Он молчал, и женщина наклонилась поближе. Её глаза тоже горели, как угольки.

– Я могу помочь тебе.

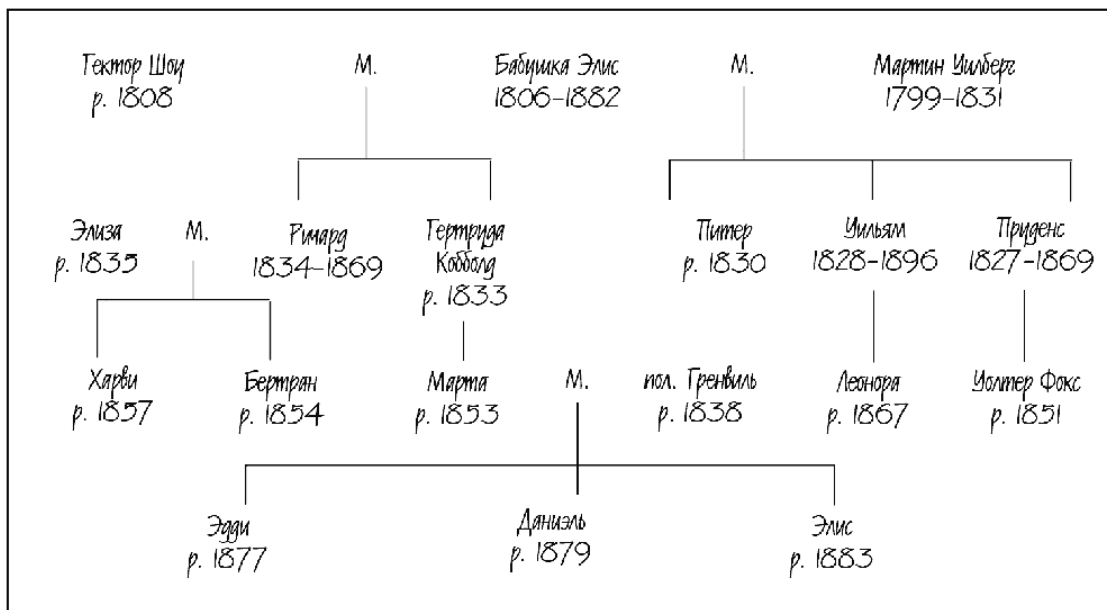
Макгрей с недоверием посмотрел на неё, костяшки на его кулаке побелели. И все же взгляд отвести он не мог.

Лицо цыганки растянулось в улыбке.

– Мы можем помочь друг другу.

¹ Домашнее прозвище Эми Макгрей объясняется в первой книге цикла: у неё большие темные, почти черные глаза, обрамленные густыми ресницами, и их форма напоминает родным соцветия фиалок.

1889

Пролог

Пятница, 13 сентября 1889 года

За полчаса до полуночи

– Твоя проклятая цыганка опаздывает, – рявкнул полковник Гренвиль, глядя в окно на темный сад. Он так крепко прикусил сигару, что во рту теперь было полно табачных ошметков. Он сплюнул их, развернувшись лицом к затемненной комнате, но вид присутствующих только ухудшил его настроение.

Леонора склонилась над своей ненавистной книгой по черной магии и твердила какую-то чушь, а свечи, расставленные на круглом столе, отбрасывали резкие тени на ее исхудалое лицо.

– Она придет, – произнесла девушка двадцати двух лет так отстраненно, будто сама хотела казаться призраком. Полковник Гренвиль подумал, что глупой девчонке не помешает хорошая взбучка за то, что воображает себя великой прорицательницей.

Пристроившись на краешке софы, миссис Гренвиль нервно обмахивалась веером, ритмичный шорох его перьев единственный нарушал натянутую тишину в гостиной. Она с опаской взглянула на мужа – полковник терпеть не мог ждать. Даже когда делал предложение, он встряхнул ее и заставил дать ответ по-военному безотлагательно. Тогда она сочла это очень романтичным. Но сейчас...

Она утомленно вздохнула.

Ее дедушка, старый мистер Шоу, неподвижно сидел подле нее. Он был почти невидим – за исключением белой бороды с бакенбардами и золотой оправы очков, которые отражали свет свечей. Его слабая ладонь фантомом вынырнула на свет и сжала запястье внучки, вынудив веер замереть.

– Спасибо, Гектор, – произнес хриплый голос из глубины сумрака. Голос человека, которого полковник презирал. Мистер Уилберг, одетый во все черное, был едва различим в темном углу комнаты. Он вышел на свет, будто материализовавшись из ниоткуда, и принялся расхаживать взад и вперед. Питер Уилберг был почти на десять лет старше полковника и единственный из присутствующих не боялся подвергать его авторитет сомнению. Полковник Гренвиль об этом знал и сверлил взглядом кустистую бороду Уилберга, курчавую и угольно-черную вопреки тому, что на голове его волосы были редкими и почти полностью седыми.

– Это надо будет убрать, – сказал мистер Уилберг полковнику, кивнув на табачный плевок на красном ковре.

– Катись к дьяволу, Пит, – огрызнулся полковник Гренвиль. – Это, черт возьми, мой дом!

– О, да неужели? – ухмыльнулся мистер Уилберг.

Никто не издал ни звука. Все ждали реакции полковника. Пошевелилась одна лишь Леонора, которая потянулась к мистеру Уилбергу и стиснула его руку. Ее глаза умоляли его сохранить спокойствие.

Полковник с вызовом швырнул свою сигару на пол и достал из кармана еще одну.

– Вот ты идиот, как будто нам и так тут дыма не хватает! – сорвался мистер Уилберг.

По крайней мере, с этим никто не спорил. В комнатке было душно, клубы бледного дыма витали между колеблющимися огоньками свечей.

Полковник взревел:

– Ну так вели своей проклятой племяннице заглушить эти чертовы штуки!

– Нам нужно очистить комнату! – столь же громко выкрикнула Леонора, воздев руки в воздух, словно готовясь к битве за горстку свечей. Тех самых, которые ее бабушка освятила много лет назад и которые – если верить цыганке – были ключом к успеху сегодняшнего мероприятия. – Они нужны нам, чтобы поговорить с покойными!

– Тише, тише, – сказал старый мистер Шоу, прикладывая ко лбу уже насквозь мокрый носовой платок. – Все мы... все мы на взводе.

Все в комнате уловили страх в его голосе и тут же умолкли. Если спиритический сеанс пойдет как надо, то бедного старика ждет встреча с такими демонами, какие другим и не снились. Миссис Гренвиль накрыла ладонью руку отца, но тот вздрогнул и отдернул ее.

– Этот жалкий трус Бертран здесь? – спросил полковник.

Тонкий голос раздался возле входа в гостиную. Бертран стоял в дверях.

– А-ага. Я тут, сэр, простите меня. В комнате нечем дышать.

Полковник хмыкнул, бросив на него насмешливый взгляд. Бертран воплощал собой все, что он ненавидел в мужчинах: был слабым, робким, трусливым, с писклявым голосом и беспокорными руками, в которых постоянно что-то теребил. Полковник не раз говорил, что Бертрану, очевидно, не достает яиц – неоднократно тому в лицо, но дурак просто хихикал в ответ, словно это была шутка. Он вел себя по-детски, хотя был не молод; его жирные волосы, всегда разделенные на пробор и с особой тщательностью прилизанные, на макушке уже подернулись сединой. Жена полковника была кузиной Бертрана, и Гренвиля до сих пор злило, что трое его детей приходились кровной родней этому бесхребетному олуху.

– А вот и она! – сказал мистер Уилберг, выглянув в окно.

Бертран зажмурился, будто именно этого и опасался. Он присутствовал здесь исключительно потому, что тетя Гертруда только сегодня утром передумала идти на сеанс, а для обряда, по словам той цыганки, нужны были семеро.

Миссис Гренвиль поднялась, теребя свое жемчужное ожерелье, и увидела, как подсвеченный фонарем экипаж, миновав сад, подъезжает к дому. Ночь была темная: облака застлали небо такой плотной пеленой, что казалось, будто повозка плывет в бескрайней пустоте.

Она подошла к окну и случайно задела плечом мистера Уилберга – оба вскинулись от этого прикосновения. Она никогда не видела его настолько пьяным: привычно исходивший от него душок эля сегодня был куда крепче.

Полковник бесцеремонно оттолкнул ее и сам выглянул в окно: его упитанный камердьер Холт спрыгнул с козел и подал руку той, что выглядела, как тюк пестрых занавесей.

Вскоре Холт вошел в гостиную, и, когда следом вошла цыганка, все присутствующие оцепенели. Они молча рассматривали женщину, и даже полковнику пришлось признать, что было в ней что-то устрашающее.

Она была приземиста, плотно сбита, закутана в бесчисленные цветастые шали, платки и вуали. Лица ее было не разглядеть за темной вуалеткой, украшенной дешевыми кулонами, которые тихо позвякивали при каждом ее движении. От множества слоев ткани исходил острый аромат трав, перебивавший запах дымки в гостиной. На руках у нее были черные митенки, из которых виднелись лишь кончики ее толстых бледных пальцев. Каждый из них заканчивался изогнутым ногтем – она медленно перебирала ими, будто постукивая по невидимому столу.

Леонора вскочила и бросилась к женщине, схватив ее за одну из этих пугающих рук.

– Мадам Катерина, какая честь! Я знала, что вы придете.

– Я всегда прихожу к тем, кто во мне нуждается, – ответила та хриплым, чужеземным голосом.

– Или к тем, кто вам платит, – процедил полковник сквозь зубы.

Леонора повернулась к нему, собираясь возразить, но цыганка стиснула ее запястье.

– Оставь это, дитя. В этой комнате и так уже беспокойно.

– О, но я провела очищение, как вы велели, мадам! Прямо как бабушка Элис.

Полковник шагнул к Холту и рявкнул:

– Где тебя носило?

Не успел Холт раскрыть рот, как цыганка ответила за него.

– Меня задержало другое дело.

Полковник издал звучное «ха!», на что цыганка никак не отреагировала. Она стянула одну из митенок, положила ладонь на стену и медленно провела ею по дубовой обшивке. Ее длинные ногти, выкрашенные в черный, мерцали в свете свечей. Она повернулась к Леоноре.

– У тебя получилось, детка. Этого едва хватит, но мы сможем провести здесь обряд. – Она подошла к столу со свечами, и свет их проник под тонкую вуаль. Ее лукавые глаза блестели, переходя с одного гостя на другого. Только изучив их всех, она заговорила снова: – Да, едва-едва. Слишком многих здесь терзает чувство вины.

При этих словах некоторые нервно сглотнули.

– Стулья, Бертран! – гаркнул мистер Уилберг, и тот вздрогнул и начал перетаскивать стулья из соседней столовой. Скрежет дерева по полу причинял старому мистеру Шоу невыносимые мучения, и внучке пришлось подойти к нему и взять его за руку.

Леонора подвела мадам Катерину к небольшому круглому столу.

– Мы отослали слуг, мэм. Они ушли еще до заката, как вы и просили.

Оглядев стол, женщина с одобрением кивнула.

Бертран принес седьмой стул, и Леонора с почтительностью, достойной королевы Виктории, предложила цыганке сесть. Пока женщина располагалась на своем месте, Бертран принес и неуклюже установил возле окна треногу.

– Для чего это? – спросила она. – Для фотографического аппарата?

Леонора села рядом с ней, ее глаза сияли восторгом.

– О, пожалуйста, пожалуйста, сделайте мне одолжение, мэм. Я хочу иметь карточки с этого сеанса. Я читала, что духи иногда проявляются на пластинах.

Цыганка молчала, лицо ее было непроницаемо.

– Ничего подобного я не слышала.

– Предпочитаете не оставлять улики? – произнес полковник, сидевший рядом с цыганкой. С надменным видом он раскуривал сигару.

Цыганка положила руки на стол, как делала всегда, когда хотела продемонстрировать, что она здесь главная.

– Так же как и ты, человечиска.

Полковник вскочил, уронив сигару на пол. Рука мистера Уилберга усадила его обратно.

– Утомись уже, Гренвиль! Из всех присутствующих только ты...

– Заткнись, Пит!

Миссис Гренвиль сидела рядом с мужем, но хранила молчание. Она знала, что любая попытка успокоить его только сильнее его разъярит.

– У вас есть подношение? – спросила цыганка.

– Конечно, – ответила Леонора, направившись к шкафчику у стены. Она достала оттуда хрустальный графин, от вида которого Холта передернуло. В нем, похоже, была кровь.

Словно почувствовав смятение Холта, ясновидица повернула голову в его сторону:

– Он должен уйти.

Полковник раздраженно вздохнул, поднялся и вывел Холта из гостиной. Немолодой камердинер был этому только рад.

– Держи, – сказал полковник, вытаскивая из кармана внушительную пачку банкнот. – Здесь больше, чем я тебе обещал. Если собираешься потратить их на пиво или женщин, отложи эти планы на другой день. Ты понадобишься мне утром.

– Конечно, сэр, – ответил Холт, едва сдерживая желание пересчитать деньги. – К какому часу мне вернуться?

– На рассвете, – ответил полковник, после чего схватил Холта за воротничок. – И ни минутой позже. Чем скорее эти паразиты уберутся из моего дома, тем лучше.

Холт всегда испытывал желание плюнуть ему в лицо, но полковник слишком хорошо платил, так что он ограничился поклоном.

– Я не подведу вас, сэр.

Полковник Гренвиль оправил пиджак, бросив на Холта грозный взгляд, и вернулся в гостиную.

Пока дверь за господином закрывалась, Холт в последний раз мельком увидел юную Леонору, которая устанавливала фотографический аппарат. А также нервные лица собравшихся за столом и графин с темной жидкостью, стоявший посреди свечей.

Холт сунул деньги в карман и направился к повозке. Выехав из ворот сада, он еще раз взглянул на дом. В окне гостиной сверкнул яркий всполох света, явно от магниевой вспышки аппарата, после чего в комнате стало темно, как в могиле – как и в остальных комнатах этого пустого дома. Холту показалось, что из гостиной донесся хриплый низкий рев, и его пробрал озноб.

Полковник не рассказывал ему подробностей о сегодняшнем сборище, но Холт слишком хорошо знал эту семью. В этой комнате вот-вот случится нечто чудовищное. Нечто настолько ужасное, что лучше не говорить об этом вслух.

Чем меньше он знает, тем лучше.

Часть 1

Преступление

Вырезка из газеты «Скотсмен»

Суббота, 14 сентября 1889 года,

вечерний выпуск

ТРАГЕДИЯ В МОРНИНГСАЙДЕ:

ШЕСТЕРО МЕРТВЫ

Чистый ужас охватил благородных жителей Морнингсайда, когда стало известно, какую чудовищную картину застал мистер Александр Холт, личный камердинер уважаемого полковника Джеймса Р. Гренвиля, в доме своего господина.

В главной гостиной лежало шесть трупов, одним из них был и хозяин дома. Сие зрелище мистер Холт обнаружил приблизительно в 7 часов 45 минут утра, когда приехал выполнить утренние поручения господина.

Получив весть от потрясенного мистера Холта, офицеры полиции немедленно отправились на место происшествия. Следов истязаний или увечий на погибших найдено не было, и полиции до сих пор не удалось установить, что послужило причиной смерти. Все тела были доставлены в штаб-квартиру Отдела криминальных расследований, будет проведено судебно-медицинское обследование.

Наиболее занимательно то, что среди шести погибших без сознания находилась седьмая персона – пожилая иностранка. Полнотелая дама, которую изначально сочли седьмой жертвой, пришла в себя и совершеннейшим чудом оказалась невредимой. Ваш корреспондент самостоятельно видел, как сия женщина выходила из дома Гренвилей без посторонней помощи, не выказывая признаков ранений или болезни.

Личность дамы позже была установлена – это мадам Катерина из дома номер 9 на площади Кэттл-маркет. В неблагонадежных кругах Эдинбурга она хорошо известна и весьма востребована в качестве гадалки. Предполагается, что достопочтенный полковник Гренвиль и его любезные гости присутствовали на спиритическом сеансе, которым руководила вышеупомянутая женщина. Мистер Холт отказался подтвердить эти сведения.

Эксцентричная иностранка, ныне небеспопченно подозреваемая в убийствах, останется под стражей на протяжении всего расследования этого возмутительного преступления.

Местные жители требуют правосудия. Полковник Гренвиль был уважаемым членом общества, почитаемым за отвагу и героизм, проявленные им во время недавних военных кампаний в Южной Африке. Полный список имен жертв еще не был обнародован, однако среди погибших предположительно также числится жена покойного полковника и некоторые из его

дальних родственников. У полковника Гренвиля остались трое маленьких детей в возрасте от шести до двенадцати лет.

Роберт Тревелян, недавно назначенный на должность суперинтенданта Отдела криминальных расследований, не сообщил других подробностей, но от весьма надежного источника ваш корреспондент узнал, что расследование могут передать в руки местного детектива Адольфуса Макгрея, известного также как Девятипалый.

1

Воскресенье, 15 сентября 1889 года

4.45 утра

Глостершир

Я знал, что поездка в экипаже будет ужасной, но присутствие трупа превратило ее в сущий кошмар.

Водруженный на сиденье рядом со мной, с бледными руками на коленях и по-прежнему в шляпе-котелке, он мог бы легко сойти за второго пассажира. Я взглянул на него: лицо, обращенное вниз, слегка покачивалось в такт неровному ходу повозки. Щеки усохли и посерели, кое-где на них проступили сосуды, а под сомкнутыми веками залегли голубые круги. В остальном выглядел он так, будто просто расслабился и задремал в ожидании момента, когда сможет спрыгнуть с подножки и потребовать сигару и теплую ванну.

Я плотнее завернулся в пальто, ощущая, что похолодел так же, как и он, – разве что кожа у меня была не настолько бледной. Я даже поймал себя на желании укрыть его одним из одеял, лежавших под сиденьем, но быстро осознал, сколь глупа эта идея.

Но я все равно наклонился к нему и протянул руку, чтобы поправить его заношенную шляпу.

И тут он открыл глаза.

* * *

Я резко сел в постели, тяжело дыша и чувствуя, как вдоль висков струится холодный пот.

В спальне было так же мрачно, как и в моем сне, и только луч лунного света пробивался сквозь узкую щель между шторами. У меня перед глазами все еще стоял дядин мутный взор, поэтому я торопливо разжег газовую лампу и вздохнул с облегчением, когда ее мягкое свечение озарило мои покои.

Каминные часы сообщили, что время было возмутительно раннее, и я раздраженно потер глаза, понимая, что заснуть больше не смогу. Меня посетила мысль попросить у Лейтона чаю, но я от нее отказался – моему старому камердинеру тоже пришлось нелегко. Кроме того, в последнее время горячие напитки никак не способствовали поднятию моего настроения. Но я все же встал, раздвинул шторы и посмотрел в окно. На многие мили передо мной тянулись темные поля и леса – огромные владения моего теперь уже покойного дяди².

Ночь была тихая и звездная, и свет луны окрашивал ландшафт в серебро и глубокие оттенки синего.

В точности как в ту ужасную ночь в нагорье. В ночь, когда дядя, окруженный огнями, от вида которых кровь стыла в жилах, отправился в мир иной.

² В предыдущей книге цикла «Озеро мертвых» дядя инспектора Фрея, составивший ему компанию в поездке по работе, трагически погибает при довольно жутких обстоятельствах. Для Фрея это настоящий удар, потому что дядя – единственный родственник Иэна (после младшего брата), с кем он по-настоящему близок.

Я покачал головой и отвернулся от окна – и от образов, которые с тех самых пор почти каждую ночь всплывали у меня в голове.

Я бросил взгляд на стопку недочитанных книг на прикроватном столике и решил было взяться за одну из них, но сдался, так к ним и не прикоснувшись. Надоело часами всматриваться в одну и ту же страницу, не вникая в смысл слов, или внезапно обнаруживать себя проглотившим десяток страниц, но не имеющим ни малейшего понятия, что я только что прочел.

Не зная, чем еще заняться, я целый час рассказывал по комнате.

«Видимо, так себя каждую ночь чувствует Девятипалый», – в какой-то момент пробормотал я. Интересно, подумалось мне, снятся ли ему кошмары, видит ли он во снах своих мертвых родителей или тот момент, когда одержимая сестра отсекла ему палец.

Он слал мне сообщения, письма и телеграммы, но я игнорировал их, втайне надеясь, что ему наскучит моя апатия и он от меня отстанет. Но не особо рассчитывал на такое везение.

Когда за окном начало светлеть, в дверь комнаты тихонько постучали. То был высокий, сухопарый Лейтон с моим утренним кофе. Судя по мешкам под глазами, он тоже провел бессонную ночь. Что неудивительно: он прослужил дяде Морису больше десяти лет, прежде чем поступил ко мне, и был также сражен его смертью.

Не успел я пожаловаться на ранний час, как он, расставляя сервиз на столике, указал своим орлиным носом на окно.

– Похоже, к вам гости, сэр.

Я подошел к окну и увидел, как к дому на полном ходу подъезжает экипаж. Тянули его четыре лошади, так что дело, по всей видимости, было срочное. Экипаж вскоре остановился у дядиногo особняка, и, принимая у Лейтона чашку кофе, я узрел, что из него выходит фигура, которую не спутаешь ни с кем другим.

– Вот так невезение! – пробурчал я.

– Мне впустить его, сэр?

– Он войдет, даже если ты будешь против, – предрек я, и едва эти слова слетели с моих губ, как Девятипалый взбежал по ступенькам и распахнул парадную дверь.

– Передай слугам, что я велю отныне запираеть эту дверь, – приказал я Лейтону и прямо-таки услышал, как мой покойный дядя возмущенно вопит: «*Запираеть дверь? Мы же в Англии!*»

Спустя миг Лейтон пригласил Макгрея в мои покои.

Казалось бы, его неопрятная щетина, кричащие мятые наряды и шевелюра, вечно взлохмаченная, словно он скакал галопом сквозь пургу, стали для меня привычным зрелищем. Однако в окружении моих изысканных ковров и прочей элегантногo обстановки он выглядел удивительно неуместно, словно рябая куропатка, которую сунули в корзину с атласным бельем.

– Выглядишь положительно безобразно, – отметил я.

Макгрей насупился.

– Ох, я вообще-то всю ночь ехал! Ты вот чертовски хреново выглядишь, хоть и только что встал с постельки в своей шелковистой рубашечке.

Спорить было бессмысленно – шлафрок мой и правда был из шелковой парчи.

– Довольно любезностей, – сказал я. – Выпей кофе.

Он поворотил нос от моего предложения:

– Есть что покрепче?

– Макгрей, шесть утра на часах.

– И что с того?

Лейтон поклонился и отправился за спиртным для него.

Макгрей развалился в одном из кресел, вытянул свои длинные конечности и бросил оценивающий взгляд на дубовые панели и кровать с балдахинoм.

– В неплохой развалюхе ты, оказывается, ночуешь, Фрей! Хоть как-то оправдывает твой чертов снобизм, – он цокнул. – Ну, отчасти.

Я улыбнулся уголком рта, опустил в кресло и отпил кофе.

– Я обожаю праздновать здесь Рождество, – едва выдавил я из себя.

Макгрей кивнул:

– То есть... теперь это все твое?

Это было логичное предположение. Дядя Морис никогда не был женат, а единственные дети, которых он прижил (по крайней мере, по его словам), умерли в раннем возрасте.

– Дядя не раз говорил, что так и будет, но зная, какой он... каким он был, следует полагать, что вряд ли он оставил завещание. Лоуренс, мой брат, может подать в суд, чтобы получить свою долю.

– Лоуренс? Тот самый козел, ради которого тебя бросила невеста?

Я грохнул чашкой по блюду.

– Тебе обязательно каждый раз об этом напоминать? Ты, черт возьми, прекрасно знаешь, кто он такой.

– Ну все, все! Не рычи. А что там с твоими младшими братьями?

– Элджи и Оливер ему не кровные родственники.

– Ах, точно! Они же от той стервы, твоей мачехи.

– Вот именно. И даже если бы у них было право претендовать на долю, сомневаюсь, что им захотелось бы управлять имением такого размера. Элджи слишком творческого склада, чтобы вести хозяйство. А Оливер... ну, он просто Оливер.

В этот момент вернулся Лейтон и поставил перед Макгреем графин односолодового виски и стакан, в котором уже плескалась добрая порция оного.

– Я так понимаю, похороны уже состоялись.

Я тягостно вздохнул.

– Мероприятие – тоскливей не придумаешь. Из родственников приехал только Элджи. Остальные сплошь были дядиными кредиторами и арендаторами, и всех их куда больше интересовало, как его смерть повлияет на их дела.

Лейтон незаметно вышел – вероятно, его задело мои слова.

Я поставил свой кофе на столик и потер лоб.

– Макгрей, меня ждет миллион неотложных дел. Мне жаль, что тебе пришлось проделать такой долгий путь зря, но ты должен понять, что после всего случившегося я не могу вернуться в Шотландию.

Поначалу я старался не смотреть на него, ожидая, что он, как обычно, взорвется негодованием. Однако он молчал, и когда я все-таки перевел на него взгляд, то обнаружил, что он прикусил губу. Впервые в жизни суровый, несгибаемый Девятипалый Макгрей явно испытывал смущение и неловкость.

– Боюсь, тебе придется.

За этими словами последовало многозначительное молчание, и каждый миг мое беспокойство нарастало.

– Что... что ты имеешь в виду?

Вряд ли тон Макгрея мог прозвучать безрадостнее.

– Премьер-министр хочет, чтобы наше подразделение продолжало работу. И чтобы мы были под рукой.

– Наш знаменитейший *Отдел по расследованию нераскрытых дел, предположительно необъяснимого и сверхъестественного характера?* – вскричал я, протараторив бесконечное название. – С какой стати хоть кому-то, не говоря уже о премьер-министре, держать эту выгребную яму открытой?

Я думал, что Девятипалый бросится на меня. Это подразделение было его детищем, созданным с единственной целью – разобраться, что же свело с ума его сестру, и практически полностью финансировалось из его собственного кармана. Однако он хранил молчание, дожидаясь, пока ответ на этот вопрос сам придет мне на ум.

Я подался вперед и, зарывшись лицом в ладони, пробормотал:

– Ланкаширское дело?

– Возможно... – Макгрей опустошил стакан одним глотком. – Проклятье, не могу тебе врать. Я уверен в этом. Я общался с новым суперинтендантом. Он лично получил письмо от премьер-министра. Лорд Солсбери не предоставил объяснений, просто приказал держать наш отдел открытым.

Я вскочил и принялся расхаживать по комнате.

В прошлом январе, расследуя другое дело, ниточки которого тянулись вплоть до Ланкашира, мы случайно обнаружили, что сын премьер-министра состоял в мутной связи с кланом так называемых ведьм – ну, так их прозвал Макгрей. С моей точки зрения, они были не чем иным, как сборищем ушлых контрабандисток и шарлатанок, но сборищем столь опасным и влиятельным, что их организации позавидовали бы сами Борджиа. Стало понятно, что даже у лорда Солсбери был перед ними «должок».

Макгрей попытался меня успокоить.

– Может, это ерунда, Фрей. Может, Солсбери просто на всякий случай хочет держать нас на подхвате.

Я издал хриплый смешок:

– О, конечно, ерунда! Будь волен верить в это, Макгрей, если тебе так приятнее.

Я и раньше догадывался, что лорд Солсбери и его темные делишки однажды снова возникнут у нас на горизонте и наши жизни превратятся кошмар. Впрочем, до этого пока было далеко.

– Фрей, – сказал Девятипалый с еще более хмурым видом, – меня привела сюда еще одна причина.

– Еще одна причина! – Я схватил графин и сделал свой черный кофе еще крепче. Плевать на время. – Еще более срочное дело? Наверное, вспышка бубонной чумы?

Он покопался у себя за пазухой.

– По-настоящему срочное. Часики тикают.

– О, да неужто? И кому же угрожает смерть?

Макгрей поморщился и достал газетную вырезку.

– Мадам Катерине.

Я заглотив полчашки еще до того, как он это произнес.

– Твоей плутовке-провидице?

– Угу.

– Также известной тем, что она варит бражку, от которой лавочки слепнут? Это она-то попала в беду? Вот это да! Какая, черт возьми, неожиданность!

– Все и правда серьезно, Фрей, – проворчал Макгрей, разглаживая страницу на столе. – Ее дело могут отправить в Высокий суд. Ее повесить могут!

Я фыркнул.

– Жизнь, полная горя и нищеты, и безвременная смерть? Что ж, именно этого и следует ждать от переезда в Шотландию.

– Фрей...

– Теплее, чем в гробу, там все равно не бывает.

– Ох, я уж и забыл, что ты умеешь ныть, как Офелия, когда тебе вожжа под хвост попадает!

– А еще шесть футов под землей – самое безопасное...

– Фрей, можешь на секунду заткнуться и просто прочитать, что здесь написано?

Я выдернул вырезку у него из рук, чтобы бросить ее в гаснущий камин. Но, прежде чем я успел ее скомкать, кричащий заголовок привлек мое внимание.

2

– Ты ее допросил? – спросил я, когда мы вышли из особняка. Скорость, с которой мне удалось собрать багаж, поразила меня самого.

– Не, ее отправили напрямиком в...

– Ты съездил в дом этого Гренвиля?

– Нет еще. Я...

– Ты хоть с камердинером тем поговорил? Или с полицейскими, которых он вызвал?

– *Да нет же!* Фрей, я...

– Бога ради, Деятипалый! Что ж ты сделал тогда?

Он отвесил мне подзатыльник.

– Я, черт подери, пытаюсь тебе объяснить, что у меня не было времени на все это! Треклятый новый суперинтендант хотел, чтобы я первым делом за тобой съездил. Так он и сказал: *«Привези сюда Иэна Персиваля Фрея, или...»*

– Ты серьезно? Он велел тебе ехать сюда, когда такое преступление ждет расследования?

Он изобразил ладонями чаши весов.

– Срочное письмо от премьер-министра... Спасение жизни не внушающей доверия цыганки...

– Ясно. Ты хотя бы в курсе, подвергли ли их тела положенному...

– На кой черт тебе столько вещей, Фрей! Ты что, решил весь свой сраный особняк по кирпичику перевезти?

Отчасти он был прав. Слуги вынесли еще три дорожных сундука к уже изрядно нагруженному экипажу.

– Я увез из Эдинбурга все свое имущество. У меня не было намерений возвращаться. Я даже полностью расплатился за жилье с твоей любимой леди Гласс.

У Макгрея челюсть отвисла.

– Так ты, сопливый засранец, с концами тогда уехал?

– Вероятно, леди Энн встретит меня теми же словами, когда я сообщу ей, что хочу заселиться обратно. И попытается утроить мою ренту – даже не сомневаюсь в этом.

Тут ко мне подошел Лейтон.

– Сэр, как быть с вашей лошастью? Конюх говорит, что ему не хватит времени, чтобы...

– Ты и Филиппу привез? – завопил Макгрей.

– Я же сказал тебе, у меня не было намерений...

– Ой, ладно. Пошлешь за ней позже. Верхом на ней ты вряд ли уже поездишь. Погода портится.

Я нахохлился:

– Да уж, во всех возможных смыслах...

Я знал, что поездка в экипаже будет тяжелой, но нервозность Макгрея превратила ее в сущий кошмар. Он снова и снова перечитывал ту вырезку, всякий раз отмечая новые детали и выдвигая новые предположения. Благо, до станции в Глостере мы доехали быстро, и с этого момента игнорировать Деятипалого стало куда проще, несмотря на то что последний поезд в Шотландию мы уже упустили.

Мы переночевали в Глостере, чтобы точно успеть на первый же утренний поезд. Макгрею, разумеется, хотелось поговорить, но я наотрез отказался от предложенной им выпивки и заперся в собственном номере. По крайней мере, в привокзальной гостинице было чисто и довольно уютно.

На следующий день состав до Шотландии отправился со значительным опозданием. Поэтому в прокопченном Бирмингеме нам пришлось бежать со всех ног, чтобы успеть на пересадку. Один из моих сундуков даже упал на рельсы и чуть не развалился. Вторая половина этого путешествия была еще хуже: наш поезд простоял целых три часа где-то на окраине Карлайла без всяких на то объяснений. К тому времени, когда мы все-таки добрались до Эдинбурга, солнце уже почти село.

Выйдя из вагона, я увидел, что осень наступала здесь с раздражающей пунктуальностью: деревья в садах Принсес-стрит уже сбрасывали листья, а с северо-востока дули пробирающие до костей ветра. Я с горечью посмотрел на небо, затянутое в серую облачную униформу, сквозь которую, вероятно, уже до апреля не пробьется ни единого солнечного лучика. Осадистый замок на крутом холме напомнил мне одетого в бурый засаленный твид упитанного старичка, который отдыхает в кресле и покуривает трубку, наблюдая за тем, как мимо проплывают века.

– И вот я снова здесь, – произнес я со смиренным вздохом, плотнее заворачиваясь в пальто. – Вопреки всем ожиданиям...

Я отправил Лейтона со всеми вещами на Грейт-Кингс-стрит и послал мальчишку с запиской к леди Энн Ардглас.

– Умоляешь старуху выдать камердинеру ключи от дома? – спросил Макгрей. Он был налегке, и я завидовал его вальяжной походке.

– Именно так. Я поискал бы другое жилье, но все приличные дома в этом дрянном городишке принадлежат ей.

– Если она пошлет тебя, можешь пожить немного на Морэй-плейс. Джоан будет тебе рада.

Я с тоской вздохнул, услышав ее имя. Джоан прислуживала мне восемь лет, пока не познакомилась с Джорджем, престарелым дворецким Макгрея, и не решила, что хочет жить с ним во грехе. Я до сих пор скучал по ее кофе и восхитительному жаркому, и иногда даже по ее бесстыжим сплетням.

В этот миг часы на вокзале пробили семь.

– В Городские палаты идти уже поздно, – сказал я.

– Точно. Ничего существенного мы сегодня сделать не успеем, но у нас еще есть время заглянуть к Катерине.

Я сник, поскольку перспектива встречи – очередной – с этой женщиной совсем не внушала мне радости. И в последующие недели мне придется общаться с ней куда чаще, чем хотелось бы.

– Тогда давай поспешим.

– Не, все в порядке. Я уже договорился с ребятами из Кэлтон-хилл.

– *Кэлтон* – то есть она уже в тюрьме Кэлтон-хилл?

– Ага, для ее же безопасности. Сначала ее отвезли в Городские палаты, но как только «Скотсмен» опубликовал репортаж, там тут же собралась толпа слюнтяев, которым не терпелось на нее поглазеть. Парочка пьяных идиотов даже кидалась камнями в здание.

– Господь всемогущий. С этим делом надо быть поаккуратнее, иначе оно превратится в спектакль.

– Поздновато уже, Перси.

Вид у тюрьмы Кэлтон-хилл был обманчивый.

Заключенное в кольцо мощных стен, это строение со множеством круглых башен, напоминавших о Камелоте, и воротами, вокруг которых виднелись провалы средневековых бойниц, можно было спутать со сказочным замком. Здание гордо восседало на отвесном краю холма Кэлтон, и даже адрес его – номер один по Риджент-роуд – звучал солидно.

Невероятно ложное впечатление.

В величественных башнях располагались покои и рабочие кабинеты начальника тюрьмы – действительно роскошные, однако отсеки с камерами, грязные, сырые и переполненные, вполне оправданно наводили страх на тех, кто действовал за рамками закона. Некоторые из осужденных дожидались казни, будучи прикованными к стенам.

Я был там лишь раз – в феврале, когда жалкий заключенный заявил, что загадочную дыру в полу его камеры прогрыз гном, питающийся камнями. Даже Макгрея эта сказочка повеселила – да и мне было смешно и в то же время тошно, когда я узнал, что металлическая ложка чудесным образом обнаружилась в испражнениях этого узника.

Эспланада перед зданием навевала мрачные мысли. Здесь проводились повешения, и, хотя публику на казни больше не пускали, люди все равно взбирались на Кэлтонский холм, чтобы на них поглазеть. Я посмотрел на север и увидел обрыв холма – границы его были размыты туманом. Вид оттуда наверняка был лучше того, что открывался любителям мрачных зрелищ столетие назад, когда казни проходили в самом центре Эдинбурга, возле Рыночного креста на Хай-стрит³. Там явно было приятнее, чем здесь. Я представил, как люди сидят на травянистом склоне, возможно, даже с едой и выпивкой, и наблюдают за тем, как на виселице дергается какой-нибудь бедолага.

Встретивший нас тюремщик почтительно приветствовал Макгрея. Лицо у него было волевое, от виска к подбородку спускался глубокий шрам. В глазах его, впрочем, сквозила доброта.

– Я уж думал, вы не придете, сэр, – сказал он, ведя нас вперед по темным коридорам.

– Дела, Малкольм, – ответил Макгрей. Я заметил, как он украдкой сунул тюремщику банкноту в один фунт.

Малкольм привел нас к маленькой комнатке для допросов.

– Подождите здесь, пожалуйста. Я сейчас ее приведу.

Мы вошли внутрь и сели за обшарпанный стол. Пока мы ждали, в комнате почему-то становилось все холоднее и холоднее. Вскоре Малкольм вернулся – уже с Катериной.

– О, господи... – только и выдохнул я.

Я ожидал увидеть позвякивающий сверток из разноцветных шалей, вуалей и подвесок, лукавые зеленые глаза и едкую ухмылку. Но бедная женщина была облачена в серое рубище, закована в наручники и шла совершенно понурая.

Без толстого слоя туши и накладных ресниц она выглядела как минимум на десять лет старше. На ней не было ни серег, ни колец, которые обычно болтались у нее в ноздрях, бровях и мочках, и пустые отверстия от них выглядели как сморщенные разрезы на ее обвислой коже. Волосы были убраны под линялую черную тряпку, и только пара седеющих прядей торчала из-под нее, словно щетина от метлы. Ее устрашающие ногти были коротко и грубо острижены, а черная краска облупилась по краям.

Не доставало в ней чего-то еще, и я не сразу понял, чего именно. Ее выдающийся бюст, известный на весь Лотиан⁴ и обычно едва прикрытый, теперь скорее походил на пару пустых шерстяных носков, болтавшихся под тюремным платьем.

– Знаю, да, – сказала она, потому что я, видимо, смотрел на нее с открытым ртом. – Сегодня я не так хороша, как в ту ночь, когда ты заглянул ко мне в салон с бутылочкой вина.

– Он *что* сделал? – ахнул Макгрей.

Я закатил глаза.

– Можем мы просто сосредоточиться на деле? Сейчас не время для...

³ Mercat Cross – место общественных собраний, отмеченное монументом в форме креста. Здесь оглашались новости государственного и городского значения, а в Средние века устраивались ярмарки привезенных в город чужеземных товаров и, как отмечает инспектор Фрей, казни.

⁴ Историческая область на юго-востоке Шотландии, на территории которой располагается Эдинбург и прилегающие к нему округа.

– Ах ты, кобель! – пихнул он меня локтем в бок.

Катерина, ухмыльнувшись, села за стол. Казалось, у нее не было сил издать свой привычный ехидный смешок.

Она сжала ладонь Макгрея.

– Как же я рада тебе, мой мальчик. Давненько я не смеялась.

Судя по тому, как хрипло звучал ее голос, она, похоже, давно ни с кем не разговаривала.

– Как тут с вами обращаются? – спросил Макгрей. Его голубые глаза переполняла тревога.

Катерина поцокала языком.

– Еда тут на вкус как мышинное дерьмо. И выглядит так же. – Она кивнула в мою сторону. – Твоя английская роза давно бы здесь издохла.

– Только не говорите, что вас тут бьют, иначе я кое-кому такой пинок в зад засажу, что он узнает, каковы на вкус мои ботинки, – произнес Макгрей, глядя тюремщику в глаза. Малкольм нервно сглотнул.

Катерина слегка гоготнула, и на миг в ее глазах блеснуло знакомое лукавство.

– Спасибо, Адольфус. Сначала со мной обходились грубовато, но бить меня не осмелились. Боятся, что я прокляну их причиндалы или еще что-нибудь.

Малкольм сглотнул еще раз.

– Можешь идти, приятель, – сказал ему Девятипалый, и тюремщик с радостью скрылся.

Я откинулся на стуле с утомленным вздохом.

– Ну и в переплет вы попали.

Катерина перевела взгляд на Макгрея.

– Зачем ты его привел? Он же скажет, что я просто карга безумная.

– Вообще он не то чтобы пустое место, – сказал Макгрей, пнув меня под столом. – И внешность его обманчива – кое-что полезное о законах он все-таки усвоил в своем Кембриджском колледже для кисейных денди.

– Благодарю, – сказал я, глядя на Катерину в упор. – Должен кое-что спросить у вас, мадам. Вы виновны?

– Виновна ли я?...

– Это вы их убили?

Тот же эффект на нее произвела бы пощечина. Она вскинулась, ошеломленная, а Макгрей грохнул ладонями по столу.

– Конечно, не виновна! – рявкнул он. – Она!..

– Дай ты женщине самой ответить! – гаркнул я на него с такой яростью, что сам собой впечатлился.

Повисла тишина, и Катерина потупилась, прикусив губу.

– Я никому не причинила вреда, – пробормотала она.

Я кивнул.

– Прекрасно. В таком случае расскажите нам, что именно там произошло.

Нас ждала прелюбопытнейшая история.

3

– Эта девица, Леонора Уилберг, прислала мне записку с месяц назад. Они с ее теткой – хорошие клиентки. То есть... *были* ими.

– Той ночью погибли обе? – спросил я.

– Нет, только Леонора. Ее тетка умерла пару лет назад, равно как и отец, но девушка продолжала искать со мной встречи. Она очень интересовалась моими искусствами.

– Вот как?

– Да, всю свою жизнь. Она говорила, что ее бабушка тоже обладала даром.

Я покопался в нагрудном кармане и достал маленькую записную книжку, стараясь сохранять невозмутимый вид.

– С какой целью они попросили вас устроить этот... сеанс?

– Кого-то определенного хотели вызвать? – добавил Макгрей.

– Да. Ту бабку, о которой я только что вам сказала. Они называли ее бабушкой Элис.

– А не знаете, зачем? Просто поболтать? Потому что соскучились по ней?

Я допускал такую причину, потому что в последние годы спиритические сеансы стали весьма популярны. Поговаривали, что даже королева Виктория частенько их устраивала, чтобы побеседовать со своим любимым Альбертом (мы с Макгреем доподлинно знали, что это был не пустой слух).

Ответ Катерины, впрочем, оказался неожиданным.

– Леонора так и сказала, но она соврала.

– В каком смысле? – удивился Макгрей.

Катерина понизила голос.

– Они хотели что-то у нее выведать. Что-то весьма конкретное.

Я терпеливо осведомился:

– Кто вам так сказал?

– Никто. Им и не нужно было. Я это почувствовала.

Макгрей встрял ровно в тот момент, когда я собирался отпустить язвительнейшее замечание.

– Расскажите подробнее.

Катерина покачала головой.

– О, там всюду это чувствовалось, Адольфус. В записке Леоноры, в лакее, которого за мной прислали, в скатерти, в стенах гостиной... Ох, ну и дом же это был!

– Вы бывали там до сеанса?

– Да, ты же знаешь, я всегда так делаю, когда люди вызывают меня к себе домой. – Она передернулась, в этот раз всем телом, словно ее внезапно обдало ледяным сквозняком. – Нечто витало там в воздухе, мальчик мой, как вонь, которую улавливаешь еще до того, как войдешь внутрь. Ненависть... Чувство вины... Ложь... Что-то жуткое давным-давно оставило там свой отпечаток, и он так и не стерся.

Повисла долгая тишина: Катерина, по всей видимости, пыталась справиться с нахлынувшими эмоциями, Макгрей был задумчив, как Иоанн Богослов, записывающий Откровение, а я крутил в руках карандаш.

– Я была вынуждена попросить Леонору очистить все комнаты с помощью освященных свечей, – продолжила Катерина. – И этого едва хватило. Мне даже пришлось принять особые меры, к которым я редко обращаюсь.

– Особые меры? – спросил я.

– Чтобы уберечь свою душу – и жизнь. Спиритический сеанс – это нечто очень...
Очень...

Она не могла подобрать слово, и Макгрей пришел ей на помощь.

– Очень личное. Я понимаю. Грубо говоря, это почти как залезть к кому-то в постель.

Если у него есть, ну, скажем, *виш*, то ты их подхватишь.

Я изогнул бровь.

– То есть... Вы защитили себя от заражения духовным сифилисом?

– Да чтоб тебя! – крикнула она, вскочив и грохнув ладонями по столу. Я порадовался, что ногти у нее были обрезаны, иначе она выцарапала бы мне глаза. – Да! Можешь глумиться сколько хочешь, но та защита сохранила мне жизнь. И жизнь, и душу! А те сукины дети – все шестеро – теперь горят в аду.

Я примирительно поднял руки.

– Замечательно, но давайте не будем сейчас углубляться в эту тему. Нам нужно больше подробностей.

Макгрей кивнул ей. Катерина возмущенно засопела, но все же села на место.

– Вы сказали, что Леонора связалась с вами больше месяца назад, но сеанс состоялся лишь в прошлую пятницу?

– Да. Нужно было дождаться, пока сойдутся звезды. Каждой душе подходит свое сочетание.

Мой карандаш замер, я вник в ее слова, а затем продолжил писать.

– Можете перечислить присутствовавших?

Она сурово посмотрела на меня.

– Ты имеешь в виду погибших?

Вопрос не требовал ответа, так что я промолчал, и Катерина начала загибать пальцы.

– Там была Леонора... Дядя, который переехал к ней после смерти ее родителей...

– Как его звали?

– Все звали его или Уилберг, или мистер Уилберг.

– Кто еще?

– Я так поняла, что один из них был вдовцом этой самой бабушки – тот немощный старик... Мистер Шоу. Гектор Шоу.

Я записал имя.

– Продолжайте.

– Еще там был мужлан, который очень любил командовать – все называли его полковником...

– Это, видимо, полковник Гренвиль, – сказал я, вспоминая заметку из газеты. – Он был из кровной родни?

– Свояк. Его жена тоже присутствовала – еще одна внучка той Элис.

– Получается, что Гектору Шоу она приходилась внучкой?

– Да, она обращалась к нему «дедушка». По-моему, ее звали Марта. Украшения у нее были богатые. И еще там был робкий долговязый мужчина. Дядя Леоноры постоянно им понукал. Его звали Бертран.

Я посчитал.

– Хорошо, это соответствует количеству найденных тел. Кто-нибудь из них показался вам странным?

– Я уже сказала вам, что все они были прокляты.

– Даже юная Леонора, столь заинтересованная в ваших искусствах?

– О да! Она всегда требовала больше, чем следовало. Той ночью она даже фотографический аппарат принесла.

– Там был фотографический аппарат? – вскричал Макгрей. Я тоже удивился – и подчеркнул это слово в записной книжке.

– Да, – ответила Катерина. – Леонора сказала, что духи иногда показываются на снимках.

Она презрительно фыркнула.

– Думаете, так не бывает? – спросил Макгрей.

– Откуда мне знать? Эти чертовы штуки только богачам по карману.

– Но вам все же не по нраву эта затея с фотографиями покойников, – заметил я.

– И то верно. Это же мучительство! Души тех, кто недавно умер, иногда застревают в стекле и зеркалах. Если духи и правда могут появляться на фотографиях, то наверняка потому, что эти машины тоже способны их поймать.

Я уставился на нее, открыв рот. Поверить не мог, что в наш век до сих пор существовало столь вопиющее невежество. Тем не менее присутствие фотографического аппарата на сеансе могло оказаться весьма полезным.

– В ту ночь делали фотографии? – спросил я.

– Да.

– Сколько?

– О, точно не знаю. Я была занята своим делом. Кажется, несколько сделали. До и во время сеанса.

Это я тоже у себя подчеркнул, а Макгрей уже с предвкушением потирал руки.

– Мы должны найти этот аппарат, Фрей. Наверное, он все еще на... – ему пришлось прикусить язык, чтобы не произнести слова «*на месте преступления*». – В гостиной. Мне сообщили, что дом заперли на замок. Все там должно быть в нетронутom виде.

– Я, черт возьми, надеюсь на это, – сказал я, после чего со вздохом повернулся к Катерине. – А теперь к делу, мадам. Расскажите в подробностях, как прошел сам сеанс.

Она помрачнела и часто задышала, собираясь с силами, чтобы поведать нам историю. Ту самую, за которую газетчики готовы были убивать. Ту самую, которую не терпелось услышать всему Эдинбургу.

4

– Я поняла, что у нас все получится, еще не успев войти в дом. Дух был зол. Зол и готов встретиться со своими родственниками.

Я проверила стены, проверила воздух. Условия там вполне подходили для сеанса. Не идеально, как я им и сказала, но этот дух преодолел бы любые преграды.

Так называемый полковник отослал своего прислужника, и мы остались без свидетелей. Перед тем как мы собрались за столом, Леонора сделала общий снимок. Я почувствовала, что духа разгневало легкомыслие этой девчонки, ее фанатизм и непочтительность, само ее желание сделать эти фотоснимки, чтобы потом ими бахвалиться... *Духам приходится пересечь границу миров ради встречи с нами!* Они испытывают боль!

Но я ничего ей не сказала, хотя стоило бы. Мы продолжили. Я велела им запереть двери и погасить весь свет, кроме свечей.

Я также попросила их подготовить подношение. Духов нужно чем-то привлечь. Иногда может сгодиться то, чем бедолаги наслаждались при жизни – их любимый аромат, напиток или блюдо. Иногда они так жаждут увидеться с любимыми людьми, что достаточно одного их присутствия...

Но только не в этот раз. Я знала, что дух потребует самую ценную жертву. Бабушка Элис хотела их крови. Так я им и сказала.

До того, как я приехала, каждый из них сделал надрез на коже и капнул немного крови в графин. Мы сели в круг, взяли за руки, и я приступила к делу.

То ли тот полковник выпустил маловато крови, то ли Элис требовала от него большей жертвы. Я им об этом сказала. Леонора и жена полковника ахнули, а другой мужчина – дядя Леоноры – ухмыльнулся, весь такой хитрец. Но полковник даже не возразил. Он взял мо... Он взял нож и опять себя порезал. Куда сильнее, чем надо, и даже не моргнул. Хотел продемонстрировать, какой он стойкий.

И вот тогда-то мы смогли начать сеанс. Я чувствовала, что бабушка Элис рвется к нам, ох как рвется. Она, хладнокровная и коварная, просто распирала меня изнутри – жуткое ощущение.

Я закрыла глаза, назвала ее по имени... Сообщила ей, что все мы собрались здесь ради встречи с ней.

В этот момент в комнате стало холодно. Я сидела с закрытыми глазами, но сквозь веки видела, как мерцают огни свечей. Колеблются, будто на сквозняке... Больше мы ничего не чувствовали, ничего, кроме замогильного холода.

И мы ждали. Она явилась, но заговорила со мной не сразу. Я чувствовала, что она наблюдает за ними.

Она... Не знаю, как это описать... Было чувство, что она *питается* их страхом. Отвратительное чувство, Адольфус. Как будто смотришь на бродячую собаку, пожирающую окровавленную требуху.

Я пыталась ее успокоить, но Элис была как пожар. В комнате становилось все холоднее и холоднее, и затем она заговорила через меня.

Она сказала: «Как вы смеете? Как смеете вы призывать меня?»

Я едва узнала собственный голос. Я чувствовала ее гнев как свой собственный, и он рвался наружу из моей глотки.

Все подскочили. Кто-то толкнул стол, и мне показалось, что пара свечей упала. Потом старик спросил, действительно ли это она. Когда она ответила «да», он просто забыл как дышать. Я думала, он потеряет сознание.

Он спросил ее, в покое ли она пребывает, но она рассмеялась... То есть я рассмеялась за нее.

Она сказала: «Я горю в аду. И всех вас ждет адское пламя».

Старик пролепетал какие-то слова, которых я не разобрала, но Элис все поняла. Он молил ее о прощении.

Она сказала: «Все вы грешники! Изверги! Будьте прокляты!»

Затем Леонора разорвала круг. Я не видела ее, но почувствовала. Я думала, что связь прервется и Элис уйдет, но она никуда не делась. Хватка у нее была крепкая.

Я услышала шум вспышки. Леонора, глупая девчонка, решила пофотографировать! Элис была в ярости. Но куда сильнее она рассвирепела, когда заговорил полковник.

Он сказал: «Спросите ее, где оно! Спросите, куда она его подевала!»

Лучше бы он этого не произносил. Она хотела, чтобы я выкрикнула самое непристойное, ужаснейшее проклятие, но я воспротивилась.

Меня затрясло. Я держала за руки полковника и дядю Леоноры. Я чувствовала, как отчаянно сжимаю их ладони – они мычали от боли. Слава богу, рядом со мной не сидел старик, иначе я сломала бы ему кисть!

Но полковник настаивал, и второй мужчина его поддержал.

Элис давила на меня. У меня из глотки раздался какой-то звук, вроде рыка. Нечто жуткое. Жена полковника рыдала от ужаса.

Элис заставила меня сказать: «Я никогда вам не расскажу. *Никогда!* Все вы обречены. Все вы умрете».

Все просто ахнули. Даже вскрикнуть не смогли.

Я думала, она лжет. Она была не первым призраком, которого я ловила на лжи. Самый простой способ для злых духов кому-нибудь навредить – это наплевисть всякого. Видимо, Элис прочитала мои мысли, потому что она повторила свои слова – в этот раз всерьез.

Она вынудила меня прореветь: «*Сегодня вы все умрете!*»

Никогда я не испытывала такой одержимости. Она собиралась навредить всем нам, и я была первой на очереди.

Я открыла глаза – обычно это разрывает связь, – но она все равно не ушла! Она будто огнем сжигала мое сердце и внутренности. Я почти ничего не видела – мешала вуаль.

Мне хотелось визжать и кричать, но я лишь исторгала ее проклятия.

И тогда передо мной что-то возникло. Это было похоже на тень, выросшую среди свечей; нечто осязаемое воплотилось просто из воздуха. Сначала я не поверила своим глазам, но это была...

Длань Сатаны.

Я... не *верила* своим глазам, но все остальные тоже ее видели. Они вопили и показывали на нее.

Перед нами были его пальцы, искореженные и обгорелые. И кожа его пахла серой... Сам дьявол выходил из огня. Обретал в огне жизнь.

Я потянулась вперед, чтобы задуть свечи, но мужчины меня не пускали. Они оцепенели.

И тогда длань спрыгнула на стол, чудовищные пальцы вцепились в скатерть, и рука поползла в мою сторону.

Голос Элис был повсюду. Все кричали. Вспыхнул свет и...

И потом...

Все поглотила тьма.

5

Рассказ измотал Катерину, так что мы отпустили ее отдыхать. Когда тюремщики уводили ее, Макгрей еще раз пригрозил, что им не поздоровится, если с ней будут плохо обращаться. Перед уходом Катерина стиснула Макгрееву четырехпалую ладонь и взглянула на него влажными глазами.

– Помоги мне, мой мальчик. Умоляю тебя. Мы так давно знакомы... Ты же меня знаешь. Знаешь, что я *не способна*...

Она не смогла закончить предложение, и Макгрей, судя по всему, тоже был слишком взволнован, чтобы говорить. Он только похлопал ее по плечу и махнул ей на прощание.

И снова мы прошли через тюремную эспланаду. В этот раз я внимательнее присмотрелся к каменным плитам и заметил следы, явно оставленные подпорками виселиц. Все семьдесят лет – с момента возведения тюрьмы – их явно сколачивали на одном и том же месте.

Макгрей заговорил, как только мы оказались за пределами слышимости тюремных стражей.

– Как думаешь, что там произошло?

– Не имею ни малейшего понятия. Мне в голову приходит дюжина способов одновременно умертвить шестерых людей в запертой комнате, но сам факт того, что лишь *одна* из них осталась в живых... Неудивительно, что весь город теряется в догадках. Нет ни орудий убийства, ни повреждений на телах, а единственная выжившая свидетельница случившегося – *она*.

– Не веришь в ее историю, да?

– И ты еще спрашиваешь? – Я открыл записную книжку. – Позволь мне резюмировать ее показания. *Злой дух убил всех, кроме нее. Ее спасли амулеты, обряды и талисманы*... Макгрей, все это звучит так же нелепо, как тот пьяница-фермер, который клялся, что был одержим дьяволом, когда жена застала его кувыркающимся с дояркой.

Макгрей нервно пошарил в карманах в поисках сигары.

– Перси, неужто ты думаешь, что она и вправду убила шесть человек?

– Что ж, может, она и пройдоха, и мошенница, и шарлатанка, и вероломная шваль... – проворчал я.

– Но?

– Но нет, я не считаю, что она способна на убийство. И у нее не было очевидного мотива, чтобы...

– Вот видишь? Все верно она говорит. Я изучал эту тему. Все, что она рассказала о поведении духов, – правда. Все-все.

– Господь милосердный, Макгрей! – несдержанно рявкнул я, чем напугал стражей, открывавших нам ворота. – Не меня тебе надо убеждать! Позволь напомнить тебе, что речь идет о деянии, преследуемом по обвинительному акту. Если мы не найдем совершенно бесспорных доказательств ее невиновности в той комнате или в трупах, Катерину будет судить Высокий суд. Какую реакцию, по-твоему, вызовет у судьи и присяжных ее история?

В этот раз фыркнул уже Макгрей. Пока он зажигал сигару, руки его дрожали от бессилия.

– Если ты действительно хочешь ей помочь, – продолжил я, – предлагаю тебе забыть о злых духах и приступить к поискам разумного объяснения. Такого, которое можно предъявить в суде. А если таковое не найдется, то лучшим вариантом для нее будет объявить себя невменяемой. Возможно, тебе стоит съездить в лечебницу для душевнобольных и поговорить с доктором Клоустоном. Быть может, он согласится выписать для нее заключение. Только помни, что их нужно два. И, возможно, ему придется держать ее в лечебнице до конца ее дней.

Макгрей покачал головой.

– Клоустон никогда на это не согласится. Для него обязательства и моральный долг на первом месте.

Я прыснул.

– Да неужели? Прежде он уже выписывал сомнительные заключения.

– *Одно!* Одно заключение. И тот говнюк точно был чокнутым!

Сил спорить о наших старых делах у меня не было.

– Я просто пытаюсь предложить тебе альтернативу.

Пока мы спускались с крутого Кэлтонского холма, Макгрей раскуривал сигару. Я видел, что он очень старается держать себя в узде. Он понимал, что я все еще горюю по погибшему дяде и с трудом сохраняю присутствие духа.

Наконец он набрал воздух и заговорил.

– Я съезжу к Клоустону, если до этого дойдет, хоть и знаю, что он скажет. А сейчас...

– А сейчас нам нужно составить план действий, сосредоточиться на уликах и обсудить теории. *Правдоподобные* теории. У меня уже есть парочка.

Пока я разглагольствовал, мы дошли до перекрестка у Северного моста: слева лежал обшарпанный средневековый Старый город, справа – богатый Новый город.

– Как насчет стаканчика виски и тарелки стовиса⁵ в «Энсине»? – предложил Макгрей. – Я умираю от голода и капельки в рот не брал со вчерашнего дня. Можем там все обмозговать.

– Нет, я иду в «Нью-клуб». Мне нужно как следует поесть, и я не желаю ужинать за грязным столом.

– Фрей...

– *Я перефразирую*, – возвысил я голос. – *Я иду* в «Нью-клуб». Если хочешь обсудить дело сегодня, можешь проследовать за мной. И если тебя что-то не устраивает, можешь подать жалобу тому долбаному клоуну, который ныне руководит вашей распроклятой шотландской полицией. Мне совершенно наплевать.

И я быстро зашагал в сторону показавшихся вдали огней Принсес-стрит.

– Ох, раньше с тобой попроще было, пока ты яйца не отрастил!

* * *

В своих цветастых клетчатых брюках, изношенном пальто и несвежей рубашке Девятипалый, сидевший посреди главной обеденной залы «Нью-клуба», выглядел как горящий маяк в ночи. Его застольные манеры отвечали облику: он чавкал, причмокивал, ковырял в зубах ногтями и, расправившись со стейком, издал такую мощную отрыжку, что чуть стекла из окон не выпадали. Мне пришлось забрать свой бокал с вином из области поражения.

– Неплохой бычок, – сказал он. – Сыроват, правда.

Я молча пригубил вино, ощущая на себе укоризненные взгляды ужинавших вокруг, сплошь одетых в черное и белое. Я видел, что Макгрей очень переживает; несмотря на внешнюю беспечность, его выдавало нервное блуждание глаз.

– Мадам Катерина упомянула, что вы с ней старые друзья, – сказал я, когда официант унес наши тарелки. – Ты не рассказывал мне, когда вы познакомились.

Прежде чем ответить, Макгрей проглотил полпинты эля (за которым официантам пришлось сбегать в ближайший паб).

– Лет пять назад, что ли. Она была одной из первых провидиц, которых я встретил, когда сестра... попала в беду.

Он перевел взгляд на культю недостающего пальца, и я решил больше не заговаривать об Эми.

⁵ Стовис – традиционное блюдо шотландской кухни, тушеный картофель с мясом.

– Как ты ее нашел? Я о Катерине. На мой взгляд, она не из тех *ремесленниц*, что рекламируют свои услуги в «Скотсмене».

Девятипалый ухмыльнулся.

– Это она меня нашла. Прослышала о том, что с нами случилось, и сама предложила помощь. Сначала я ей не доверял, но она рассказала мне, какие богачи ходили у нее в клиентах. Она и сейчас работает на многих толстосумов из Нового города.

– Серьезно? Мы же несколько раз были в ее... пристанище. Ни разу не замечал там солидных клиентов.

– О, это потому, что она исключительно осторожна. Она или сама к ним ездит, или принимает их в строго оговоренный час, когда уверена, что никто их не увидит. Готов поспорить, что сам лорд-провост⁶ однажды да советовался с ней.

– Помню, ты как-то говорил мне, что она не такая, как другие ясновидящие... В каком смысле?

Он чуть улыбнулся, одновременно с горечью и ностальгией.

– Ты считаешь меня легковерным болваном.

– О, правда? И какие именно из моих слов тебя в этом убедили?

– Ой, да брось. Я сразу видел, когда гадалки пытались меня надуть. Они сразу заговаривали о деньгах или сообщали, что чувствуют трагедию в моем прошлом. Конечно, мать их, чувствуют! Об этом шумели все газеты, история была у всех на устах. Это была сенсация!

Я решил умолчать о том, что его до сих пор считали местной легендой. Завтра весь «Нью-клуб» будет обсуждать, как здесь побывал Девятипалый Макгрей, тот еще невежа.

– Катерина вела себя иначе, – сказал он. – Она единственная призналась, что услышала мою историю из сплетен. А еще она...

На мгновение он уставился на свой эль.

– Она кое-что видела... То, что случилось в ту ночь, когда сестра вот это сделала. – Он постучал по обрубку пальца. – То, что видел только я.

Я чуть не поперхнулся.

– То есть она знала, что ты... – я наклонился к нему и прошептал, – что ты, как тебе показалось, видел дьявола?

– Угу.

Я кивнул. У Катерины действительно была раздражающая привычка сообщать то, чего она никак не могла знать.

– Она подробно описала то, что я видел, и сказала, что это... *видение* было ключом к возвращению Фиалки. Сказала, что мне нужно в этом разобраться и тогда я найду способ исцелить сестру.

– Значит, с этого началось твое увлечение оккультизмом? С совета Катерины?

Голос предал меня. Может, эта женщина просто умело его обработала? Она и правда была умна. Она наверняка поняла, что Макгрей, настрадавшийся бедолага, готов был поверить любому, кто посулил бы ему надежду. Эта женщина сама говорила мне о своем умении распознавать, что именно люди хотят услышать. Она пользовалась им, когда это ей было на руку – а *внутреннее око* и прочие потусторонние силы здесь вообще ни при чем.

Макгрей сверлил взглядом свой стакан. То ли подыскивал слова, чтобы о чем-то рассказать, то ли сомневался, рассказывать ли вообще. И все-таки решился.

– Я и до этого изучал ведовство и оккультизм, но после знакомства с ней гораздо глубже во все это погрузился. Катерина сама подыскивала мне книги и делилась полезными связями. И если ты думаешь, что все это она затеяла ради того, чтобы меня обобрать, то знай, что она

⁶ Глава одного из главных городов Шотландии. Лишь четыре города – Эдинбург, Абердин, Глазго, Данди – имеют право именовать своих глав титулом лорд-провост вместо провост (мэр) (Википедия).

не взяла с меня ни пенни за то, что рассказала о Фиалке. Я плачу ей, но только за помощь в полицейских делах.

Для меня это было достаточным резонансом, чтобы усомниться в ее мотивации. В прошлом году мы не раз с ней советовались, и из бухгалтерских книг нашего отдела я точно знал, сколько она получала за свои «советы». Большая часть этих денег, естественно, шла из кармана Макгрея.

Я не стал делиться с ним этими мыслями, иначе мы проспорили бы до рассвета.

– Знаешь, что вот мне интересно, – ехидно сказал Макгрей. – Ты правда пил с ней вино при свечах?

Я надулся. Вот *это* действительно пришлось бы долго объяснять. К счастью, именно в этот момент официант снова наполнил мой бокал.

– Вряд ли это можно так назвать. Я был у нее в июле, в разгар того скандала с Генри Ирвингом. Я хотел, чтобы она рассказала мне – ну, все, что могла.

Макгрей выгнул бровь, губы его медленно растянулись в улыбке.

– Ты советовался с ней! Ты и правда пошел к ней за советом!

Я фыркнул.

– Именно поэтому я тогда тебе об этом и не сказал!

Его улыбка растянулась до ушей.

– А что там про бутылку вина?

– Я решил, что выпивка поможет развязать ей язык.

– Ага, так ты и подумал, кобель! – Макгрей издал нечто среднее между смешком и озорным рычанием. – Странно, что она вообще тебя впустила! Что она тебе сказала?

Я вздохнул. Я знал, что Макгрею не понравится то, что я скажу.

– Она... Она призналась, что лгала.

Он поперхнулся элем. На миг я решил, что сейчас он меня им оросит, но, к счастью, он успел схватить салфетку, и впервые в жизни я увидел, как он прикрывает рот.

– *Она что?!* – возопил он, когда наконец прокашлялся.

– Иногда, – пояснил я. – Она призналась, что лгала – *иногда*.

Макгрей посмотрел на меня с откровенным неверием. После чего достойным погонщика мулов свистом подозвал официанта.

– Эй, парень! Давай-ка топай в паб. Скоро мне еще одна понадобится. – Затем он склонился ко мне с суровым видом. – Что ты имеешь в виду? Кому она лгала?

Должен признаться, я наслаждался этим моментом.

– Боишься, что она и тебе наплела сказочек?

Он треснул кулаком по столу, и все на нем зазвенело.

– Отвечай на чертов вопрос!

Часть меня порадовалась, что Макгрей по-прежнему был вспыльчивее, чем я.

– Она заверила меня, что тебе никогда не лгала, – сказал я, хоть в тоне моем и прозвучало изрядное сомнение в ее честности. – Я спросил, как она проворачивает свои фокусы с проричанием. Она призналась, что часто наблюдает и угадывает или задает вроде как отвлеченные вопросы – мы и сами так делаем, опрашивая свидетелей. Еще она призналась, что большинство ее клиентов – «простой люд», который всегда нуждается в помощи. – Я остановил Макгрея жестом, не давая ему запротестовать. – Тем не менее она настаивала, что у нее есть «око» и что она унаследовала этот дар от бабушки.

Произнес я все это опять-таки с откровенным скепсисом, но пыл Макгрея, судя по всему, поостыл.

– Так что, по-твоему, случилось в прошлую пятницу?

Я ненадолго задумался. Я уже говорил, что мне не верилось в виновность Катерины. Однако наша беседа пробудила во мне сомнения.

– Для начала я хотел бы услышать твои теории, – уклончиво ответил я. – Только будь добр, избавь меня от тех, где фигурируют злые духи.

Макгрей пожал плечами.

– Мне на ум приходят только два варианта. Либо один из тех дурней решил – или решила – убить себя вместе со всеми остальными, либо кто-то все это затеял, чтобы убить их и подставить Катерину.

Я кивнул.

– И я так думаю, но больше склоняюсь к последнему варианту.

– Почему же?

– Я не исключаю первую возможность, но если бы это было делом рук самоубийцы – или нескольких самоубийц, – то мне непонятно, зачем они позвали Катерину. Или зачем оставили ее в живых.

– Может, она понадобилась им для исполнения ритуала.

– Для какого-то смертельного обряда? – предположил я. – Например, для искупления грехов?

– Ага, и это объяснило бы то, что слышала Катерина. Посмотрю у себя в книгах.

– А я подумаю, как это могло быть устроено с технической точки зрения... чтобы убить их всех, но не ее... Надеюсь, это прояснится после осмотра тел и места преступления. – Я глотнул вина. – А еще нам надо установить личности тех, кто был связан с шестью жертвами. Всех, кто мог бы желать им смерти.

Макгрей потер бороду.

– Камердинер полковника...

– Логичное предположение. Он ушел из дома последним и первым туда вернулся. И он мог найти тела только в том случае, если у него были свои ключи – с которыми он мог попасть в дом в любой момент. Надо допросить его – и поскорее. Но прежде всего я хочу взглянуть на тела.

Макгрей стал загибать пальцы.

– Морг, гостиная, где проходил сеанс, камердинер... Еще что-нибудь?

– Пока больше ничего не приходит в голову.

– Хорошо, а то у меня пальцы закончились. Если нам чутка повезет, то со всем этим мы уложимся в один день.

– Хотелось бы. Нам нужно представить убедительную версию на предварительном слушании, если мы хотим избежать судебного процесса.

Девятипалый кивнул и осушил свою пинту. Едва он поставил стакан на стол, как к нему тут же подошел официант и подлил из кувшина еще.

– Угощайтесь, сэр. Мы с запасом для вас принесли.

Макгрей широко улыбнулся.

– Хорошо здесь обслуживают. Может, и вступлю в этот клуб.

– Прошу, *не надо*. Умоляю тебя.

6

Не могу передать, какое облегчение я испытал, когда увидел, что во всех окнах моего бывшего дома горит свет. Лейтон с радостью сообщил мне, что получил ключи, а также записку для меня от леди Энн. Хоть и обессиленный, я все же заставил себя ее прочесть.

Мерзкая старуха отчитывала меня за «внезапное и чрезвычайно бесцеремонное» прошение о предоставлении жилья. За ее пространными рассуждениями о приемлемых манерах следовал короткий абзац, в котором она – исключительно из своего безграничного христианского милосердия – давала согласие на то, чтобы я провел сию ночь в *ее* владении. Постскрипту, впрочем, требовал, чтобы мы подписали «новый дополненный арендный контракт», как только позволят мои «низменные дела», иначе она будет вынуждена отправить своих людей, чтобы выставить меня на улицу.

У меня не было сил, чтобы обо всем этом думать. Я немедленно отправился в кровать, уставший до такой степени, что даже кошмары меня не потревожили.

Утром я думал пройтись до Городских палат пешком и уже жалел, что оставил свою белую баварскую кобылу в Глостершире. Однако город утопал под непрекращающимся ливнем, так что я воспользовался кебом. Решение было мудрым, потому что я добрался до Королевской Мили ровно в тот момент, когда нищие обитатели обшарпанных домов этой улицы опустошали свои ночные вазы прямо на дорогу.

Я вошел в Городские палаты, совершенно не задумываясь о том, куда иду. Найти дорогу в наш «кабинет» я мог хоть с закрытыми глазами. Однако внутри его меня ждал сюрприз.

Привычный кавардак в нашей подвальной комнате исчез. Вместо этого вдоль стен громоздились деревянные ящики, набитые вздорными книгами Макгрея и прочей странной атрибутикой. Я опознал его исполинского идола из Перу почти с меня ростом, который был завернут в темную бумагу. Судя по всему, Деятипалый разложил свое барахло по ящикам, готовясь к тому, что его выкинут из полицейской штаб-квартиры, как только новый суперинтендант вступит в должность.

Снова оказавшись в этом сыром, мрачном местечке, я ощутил необъяснимый прилив тепла.

Макгрея я в очередной раз застал со стетоскопом у стены: он надеялся услышать призраков, которые, по слухам, обитали в подземных проулках тупика Мэри Кинг⁷. По его версии, от этих туннелей нас отделяла одна лишь тонкая стена, и он утверждал, что иногда слышал шаги, а как-то раз даже пронзительный смех. Я предлагал ему множество разумных объяснений – в конце концов, некоторые участки тупика Мэри Кинг до сих пор населяли люди; кожевники и сапожники по-прежнему держали там свои лавки. Деятипалый, разумеется, таким мелочам внимания не придавал.

– Я встретил одного старикашку на Грасс-маркет, – сообщил он с нескрываемым восторгом. – Он продал мне вот эту карту. На ней есть все улицы тупика Мэри Кинг! Даже наш подвал когда-то был его частью!

Я едва взглянул на кусок пожелтевшей бумаги у него на столе.

– Ты под таким дождем пешком сюда пришел? – удивился я. Его пальто промокло насквозь, а лоб все еще облепляли влажные пряди. Такер, его верный золотистый ретривер, тоже изрядно вымокший, валялся в углу пузом вверх прямо посреди грязной лужи.

– Ага. Это же просто вода. Она чистая.

⁷ Подземный квартал под исторической частью Эдинбурга, существующий с начала XVI века, сейчас туристическое место, обросшее мистическими городскими легендами. В XVIII веке при строительстве Городских палат часть его переулков и помещений разрушили, часть заложили и превратили в фундамент нового здания.

– Ты до сих пор не купил лошадь? Девять месяцев уже прошло.

Его последний конь, великолепный представитель англо-арабской породы, погиб в январе. Макгрею не хватало духа подыскать замену подарку своего покойного отца. Сегодня он просто пропустил мое замечание мимо ушей.

– Хорошо, что ты пришел. Доктор Рид оставил мне записку. Он сможет принять нас только сегодня утром.

Мне стало смешно.

– Этот сопляк теперь назначает нам время аудиенции?

– Ага, – сказал Макгрей, уже направляясь к двери. – Он весь в хлопотах из-за убийства в приюте для глухонемых. – Он ткнул пальцем мне в грудь. – Я знаю, что парнишка тебя раздражает, но не сердись сегодня. Нам, видимо, придется попросить его отложить все дела ради нашего.

Я лишь вздохнул и последовал за ним.

Морг занимал смежное помещение в подвале – трупы нужно было держать в холоде – и идти до него было совсем близко. Там мы и встретились с юным доктором Ридом, который в свои двадцать четыре года уже занимал должность старшего судебного медика Эдинбурга (не благодаря славным своим талантам, а оттого, что шотландская полиция могла позволить себе лишь зеленого выпускника).

Мы нашли его в маленькой приемной морга, он раскладывал бумаги по стопкам – отчеты для суда, насколько я понял. Должен признать, он был добросовестным малым и учился на лету, однако тяжкое бремя ответственности уже отпечаталось на его лице. Щеки у него все еще были пухлые, розоватые – мне они всегда напоминали детскую попку, – но глаза его, прежде вызывавшие ассоциации с суетливым кокер-спаниелем, а теперь припухшие и окаймленные темными кругами, смотрели сурово.

– Доброе утро, инспекторы, – произнес он усталым голосом. И вытянул удивительно тонкую папку из аккуратной стопки бумаг.

– Что нашел, приятель? – спросил Макгрей с наигранным весельем в голосе.

– Пока ничего.

– *Что?!* – вскричал я. – Да сколько ж можно...

Макгрей двинул мне локтем в бок, хотя его собственный тон звучал ненамного добрее.

– Что ты имеешь в виду?

Рид зевнул, что, впрочем, не помешало ему метнуть глазами молнию в мою сторону.

– Я осмотрел *все* шесть тел. И не нашел ничего, что указывало бы на причину смерти: ни очевидных следов отравления, ни смертельных ран, ни...

– Ты досконально их обследовал? – перебил я его.

– О нет, совсем нет, инспектор. Я взглянул на них издали – все ради того, чтобы вы заявили сюда и сделали мне выговор за некомпетентность.

Я сжал кулаки, а Макгрей расхохотался.

– Ох, парнишка-то подросток, Фрей!

Мы с Ридом взглянули на него с единодушной ненавистью.

Доктор перевернул страницу и совершенно невозмутимо продолжил:

– У всех присутствует глубокий порез в районе локтевого сустава. Выглядит так, словно они делали себе кровопускание за несколько часов до смерти.

– Подношение, – пробормотал Макгрей, вспомнив показания Катерины. – Они истекли кровью до смерти?

– Нет, инспектор. Офицеры нашли графин с жидкостью на месте преступления. Судя по ее количеству, я бы сказал, что каждый из них потерял приблизительно столовую ложку крови. У полковника, впрочем, имеются две раны – вторая на левой ладони.

– Отрава могла попасть к ним в организм через нож – напрямую в кровоток, – предположил я.

– Это станет понятно, когда я проведу химические исследования, – сказал Рид.

– Хорошо. Будь добр, начни с пробы Рейнша...

– С пробы Рейнша и Марша, разумеется. Я уже собрал образцы крови и тканей. – Прежде чем я опять его перебил, Рид перелистнул страницу. – Я нашел еще кое-что, что может вас заинтересовать.

– И что же?

– На одном из тел присутствуют следы насилия, хотя не похоже, что они как-то связаны со смертями. Позвольте, покажу вам.

Мы проследовали за ним в морг. В стерильно чистом помещении нас, как и всегда, встретил ледяной воздух, пахший этанолом и формальдегидом, и белая плитка на полу, ставшая матовой от многолетнего оттирания уксусом.

Шесть тел были аккуратно разложены на столах и накрыты белыми простынями. На безупречно выглаженной материи не было ни пятнышка алого.

Рид подошел к дальнему столу, на котором лежали тела поменьше. Первым делом он открыл лицо, явно принадлежавшее состоятельной леди. Ее волнистые темные волосы все еще были заплетены в замысловатую французскую косу, а на лице, весьма привлекательном, красовались пухлые щеки и по-девичьи маленький рот.

– Миссис Марта Гренвиль, – зачитал Рид из отчета. – Тридцати шести лет. Практически здорова, за исключением... – Рид приподнял простыню и обнажил остальные части ее тела.

Как обычно, я слегка покраснел. Нет ничего более интимного и уязвимого, чем обнаженное тело, а вид тех, кто лишен жизни и не способен себя защитить, заставляет меня чувствовать себя соглядатаем. Но я все же должен был как следует его осмотреть.

Игнорировать Y-образный шов, оставшийся после вскрытия и шедший через всю ее грудь и живот, было трудно, хотя Рид проделал очень аккуратную работу. От этого зрелища вдоль хребта у меня пробежал холодок, а в голове сам собой возник образ мертвого дяди. И разлагающегося трупа, который не давали похоронить. Я, видимо, покачнулся, но, к счастью, Рид и Десятипалый разглядывали тело и ничего не заметили.

Выбора не было: я opravил воротник, сделал глубокий тихий вдох и посмотрел на труп несчастной.

Миссис Гренвиль, даже покойная, выглядела как фарфоровая кукла. Кожа у нее была плотная и гладкая, ладони – пухлые и без родинок. Наверняка она каждый вечер принимала ванну с молоком, а после нее втирала в себя всевозможные кремы и масла. Однако в глаза бросалось скопление отвратительных кровоподтеков на белой коже ее живота. Пятна всех оттенков черного, фиолетового и зеленого. От этого зрелища я поморщился.

– Им как минимум несколько дней, – сказал Рид. – Довольно серьезные, но жизни не угрожавшие.

Я наклонился, чтобы рассмотреть особенно темный участок. Отметина имела форму идеального круга, почти как восковая печать; контуры ее были четкими, словно их обвели чернилами.

– Это же...

– Перстень с печатью ее мужа. Он был у него на пальце, когда его сюда привезли.

Меня немедленно захлестнуло жалостью к этой бедняжке – так заботиться о своей красоте, по всей видимости, для улады мужа, который отвечал ей на это ударами в живот.

Я взглянул на ее руку – обручальное кольцо было на месте. Неудивительно: золото врезалось в ее плоть.

– На ней были другие украшения? – осведомился я.

– О да, и очень дорогие. – Рид заглянул в отчет. – Жемчужное ожерелье, кольца с бриллиантами и сапфирами и такие же серьги. С места происшествия ничего не пропало.

– А при других жертвах были ценные вещи?

– Да, кроме самого младшего мужчины и девушки. У остальных мужчин были карманные часы, запонки, кошельки с деньгами и прочее. Все это лежит у нас в хранилище, если захотите проверить. Если что-то и украли, то не самые очевидные вещи.

– Мы все равно пока не можем исключить ограбление, – сказал Макгрей. Я был рад, что он следовал моему совету и искал разумные объяснения.

– Ты прав, – сказал я, сделав пометку в записной книжке. – Надо узнать, был ли у полковника перечень ценных вещей, хранившихся в доме, и...

– Боюсь, что должен вас покинуть, – сказал Рид, сунув отчет мне в руки. – Я уже опаздываю. Меня вызвали дать показания в суде.

– Нам нужно, чтобы ты как можно скорее провел те исследования, – сказал я, пока он торопливо шагал к выходу.

– Постараюсь, – бросил Рид через плечо, после чего захлопнул за собой дверь.

У меня внутри все просто вспыхнуло.

– Пос... – *постараюсь?*

– Тише, тише, Фрей. Я с ним поговорю. Давай к делу. Кто там следующий?

Мы перешли к другому столу, и я перевернул страницу.

– Гектор Шоу. Восемьдесят один год.

– Ни черта себе! Зачем вообще столько жить?

– Зачем вообще его убивать? – уточнил я. – Видимо, это он был вдовцом *призрака?*

– Ага, по словам Катерины.

Я снял простыню с тела – под ней обнаружился старый мужчина с огромным носом, кудлатой седой бородой и спутанными волосами. По следам на носу было ясно, что он много лет носил тяжелые очки.

Я пощупал одну из икр старика.

– Что ж, он выглядит довольно крепким. Я бы даже сказал, вполне способным позаботиться о себе без посторонней помощи.

Я внимательно его осмотрел, но Рид оказался прав. Кроме пореза на руке, ран на нем не было. Единственным признаком нездоровья была пара-тройка красных пятен на его предплечьях (вероятно, экзема), но на других телах мы таких не нашли.

Следующим на очереди был муж его внуки, полковник Гренвиль. Пятидесяти одного года.

Он был рослым мужчиной с характерным для военного мускулистым телом. Лицо его гладко выбрито, и вопреки суровому виду он выглядел в высшей степени привлекательным мужчиной. Однако склонным к вспышкам гнева, на что указывала глубокая морщина между его бровями. Я вспомнил показания Холта, в которых тот утверждал, что даже после смерти полковник казался ужасно злым. С другой стороны, его морщины и седые пряди в волосах, казалось, были начерчены умелой рукой и даже добавляли характера его облику. Ладони у него были крупные и жилистые, и на одном из пальцев тоже присутствовало обручальное кольцо, которое доктор Рид так и не сумел снять. На мизинце был заметен след от перстня. Я внимательно изучил рану у него на ладони. Все совпадало с показаниями Катерины. И тут в глаза мне бросились ссадины у него на костяшках.

– От избивания жenuшки? – предположил Макгрей.

– Я... я так не думаю. Он *разбил* себе руки в кровь. Ее травмы, и так довольно серьезные, в таком случае выглядели бы еще хуже. И костяшки у него едва поджили. Я бы сказал, что он бил ими нечто твердое – стену, например. Вероятнее всего, за несколько часов до смерти.

– Может, камердинер что-то видел, – сказал Макгрей, и я сделал себе пометку. – Возможно, это ерунда, но...

Мы двинулись дальше.

– Бертран Шоу, – зачитал я. – Тридцать пять лет. Кузен Марты... то есть миссис Грэнвиль.

У него были такие же волнистые темные волосы, как и у нее, и, за исключением хрупких черт лица и чрезвычайной худобы, выглядел он абсолютно здоровым. Выделялись только кончики его пальцев: все в заусенцах и покрасневшие, оттого что он постоянно грыз ногти.

– Нервный тип, – сказал я.

Следующей жертвой был упитанный мужчина с весьма крупным носом. Его практически белые волосы резко контрастировали с угольно-черной бородой, кустистой и неухоженной. Как и у полковника Грэнвиля, вид у этого мужчины был беспросветно хмурый.

– Питер Уилберг. Пятидесяти одного года. Сын бабушки Элис.

– Сын ее, говоришь? А почему тогда у него фамилия Уилберг, а не Шоу?

– Хорошо подмечено, – сказал я, оглянувшись на тело старого Гектора Шоу. – Бабушка Элис, видимо, дважды была замужем. Я нарисую их семейное древо, когда мы тут закончим. – Затем я заглянул в отчет Рида. – Тут говорится, что он был заядлым курильщиком и любил выпить. – Я оттянул губу мужчины и увидел пожелтевшие зубы. – И много ходил пешком. – Ступни у него были в мозолях, а икры мясистые, как у бывалого пехотинца.

– Стало быть, последняя, – сказал Макгрей, переходя к следующему телу, – это клиентка Катерины.

– Леонора Уилберг, да. Двадцати двух лет. Самая молодая из всех.

Ее нельзя было назвать хорошенькой. Округлый нос ее напоминал нос мистера Уилберга, ее дяди, и волосы у нее явно редели – видимо, от слишком тугих кос, которые заплетали ей с детства. Кроме того, было в ней что-то странное. Я не мог точно сказать, что именно, но это явно было связано с темными кругами у нее под глазами и тонкими морщинами, которые уже сбегали от носа к углам ее рта. От нее, пусть даже и мертвой, исходило некое зловоние.

– О чем думаешь, Фрей? – спросил вдруг Макгрей, чем слегка меня напугал.

Я откашлялся.

– Я надеялся, что мы найдем что-нибудь абсолютно очевидное. Какой-то общий симптом.

– Теперь-то и ты озадачен?

– Мягко сказано. У нас тут весьма разнородная группа людей. Не могу вообразить ничего настолько опасного, что могло бы убить восьмидесятилетнего мужчину, его юную внучку и крепкого военнослужащего, не оставив при этом никаких следов.

Я заметил, что Макгрей прикусил губу, борясь с желанием заспорить, что все это походит на проделки злобного духа.

– Сердечный приступ? – выдвинул предположение Макгрей. – Может, они перепугались до смерти, когда появилась длань Сатаны?

– Рид ничего здесь об этом не упоминает, – ответил я, перелистав отчет.

– Думаешь, он забыл проверить такую версию?

Я усмехнулся.

– Я-то думал, ты ему полностью доверяешь...

– Ох, да прекрати уже!

Я постучал папкой по подбородку. Рид вернется только через несколько часов.

– Черт возьми, не могу я столько ждать. Сам проверю.

Макгрей захихикал.

– Будешь в кишках копать? Предвкушаю это зрелище.

Я снял сюртук и, закатывая рукава, бросил на него убийственный взгляд. Я мог бы поведать ему, что произвел множество вскрытий, пока учился в Оксфорде, но предпочел этого не

делать. Макгрей неустанно напоминал мне, что я бросил университет. И вскоре я вспомнил тому причину.

Рид хранил инструменты в стоявшем неподалеку деревянном ящичке, из которого я достал две пары щипцов и ножницы. Я решил начать с осмотра полковника, поскольку он выглядел наименее вероятным кандидатом на смерть от испуга.

Очень осторожно я разрезал швы, после чего при помощи щипцов отогнул кусок кожи. От чавкающего звука меня едва не стошнило.

– Подержи, – велел я Макгрею и с помощью второй пары щипцов оттянул кожу на другой стороне груди покойного. Как я и ожидал, жира на теле полковника почти не было – лишь тонкая желтоватая прослойка.

– Что ты ожидаешь увидеть? – спросил Макгрей.

– Если они умерли от сердечного приступа, то сердечная мышца должна была почернеть. Обычно это сразу заметно.

Свободной рукой (и набрав в грудь побольше воздуха) я ощупал ребра и понял, что Рид действительно отпилил их вдоль грудины. Я оттянул кости в сторону и между легкими обнаружил одно из самых жилистых сердец, какие когда-либо видел.

– Выглядит вполне здоровым, – сказал я, прозвучало довольно напряженно. Я снова сделал глубокий вдох, уже не заботясь о том, что подумает Макгрей, и заставил себя вытащить сердце наружу. Рид также перерезал артерии, поэтому я беспрепятственно поднял его, чтобы рассмотреть поближе. – Абсолютно здоровым.

Орган был красным и плотным, словно готовым сейчас же ожить и снова забиться. Секунду я любовался его устройством: силой мышц, идеальным расположением артерий, тонкими ветвящимися венами. Я держал в руке элегантный, производительный двигатель, способный проработать всю жизнь. Внезапно я вспомнил, почему когда-то считал медицину своим призванием. Впрочем, ежедневное занятие оной решительно свело бы меня с ума.

Я положил сердце на место, накрыл его ребрами и снова зашил кожу – не так аккуратно, как Рид, отметил я про себя с досадой.

– Не хочешь проверить еще одно? – поинтересовался Макгрей, увидев, что я поспешил к кувшину с водой и миске.

– Нет, меня устраивает работа Рида. – И я не выносил ощущение влаги и слизи на руках. Макгрей провел рукой по лицу, издав стон, который передал мне его разочарование.

Я потянулся за тряпкой, чтобы вытереть руки.

– Раз уж тела не дали нам никакой новой информации, то, может, хоть на месте их гибели что-нибудь найдется.

Массируя виски, Макгрей кивнул.

– Угу. Есть такой шанс.

Он шагнул к столу Рида и набросал тому записку с просьбой провести химические пробы как можно скорее. Затем мы отправились в Морнингсайд.

Я был расстроен, что осмотр тел не пролил свет на дело; Впрочем, я еще не знал, что вскоре наше расследование превратится в еще более запутанную головоломку.

7

Стоило нам выйти наружу, как трое газетчиков, несмотря на так и не прекратившийся ливень, преградили нам путь, словно стая голодных стервятников.

– *Это вы расследуете дело об убийствах в Морнингсайде?*

– *Что вам сказала цыганка?*

– *Думаете, это дело рук демона, инспектор Девяти...*

Макгрей вытянул руку в сторону одного из них: кончик его пальца и нос репортера разделяло всего полдюйма. Ему даже рот раскрывать не пришлось. На миг установилась тишина, затем парень сглотнул и отступил – на безопасное расстояние, с которого продолжил выкрикивать дерзости.

Макгрей невозмутимо зашагал дальше, я подозвал ближайший кеб. Не успел я запрыгнуть внутрь, как один из писак дернул меня за руку, лепеча какой-то бред про смерти в ночь на пятницу, тринадцатого.

Макгрей схватил его за воротник и отпихнул в сторону, оттеснив им, как тараном, его коллег. Мы одновременно влезли в коляску.

– Пятница, тринадцатое! – с негодованием проворчал Макгрей, пока экипаж набирал скорость.

– А что? Ты тоже думаешь, что это бред?

– Конечно, это чертов бред! Катерина выбрала этот день из-за фазы Луны.

На это я ответил лишь вздохом, а возничий повез нас на юг.

Когда мы доехали до Морнингсайда, дождь припустил еще сильнее.

Дом Гренвилей стоял в конце Колинтон-роуд, сразу за ее пересечением с Напьер-роуд. То была самая окраина Эдинбурга – место, где разбогатевшие выскочки ныне воздвигали для себя особняки.

Дом окружали обширные владения, а границы их были размечены высокими платанами, все еще в густой листве, так что с дороги поместье совсем не просматривалось. Спрашивать у соседей, не видели ли они чего-нибудь, не было смысла.

Кеб заехал в ворота и повез нас мимо заросших лужаек. И тут издалека до нас донесся звук, тонкий и протяжный, раздававшийся с равномерными промежутками. Только когда кеб остановился возле дома, мы поняли, что это был изможденный пес.

Бедное животное, промокшее до костей – огромный черный мастиф, – сидело возле главного входа и испускало душераздирающие стенания в адрес неба.

Я вышел из кеба, ступив прямо в коричневую лужу, и раскрыл зонт.

– Довольно... претенциозно, – заключил я, брезгливо оглядев внушительный фасад дома.

На нем присутствовало сразу несколько несочетаемых элементов, которые смотрелись бы дико даже на Букингемском дворце: башенка, слишком толстые для своих портиков греческие колонны и два льва-переростка, охранявшие ступеньки парадного крыльца. Дешевый песчанник, из которого они были высечены, непогода размыла бы спустя каких-то пару лет.

Одной рукой Макгрей погладил пса по голове, а другой почесал ему за ухом. Животное перестало выть и теперь тихонько поскуливало.

– Что же случилось с твоим хозяином, а, дружок? – ласково спросил Макгрей. Он осмотрел ошейник и нашел никелевый жетон. – Зовут тебя Маккензи. Хорошее имя. И ты принадлежал Питеру Уилбергу! Здесь есть его адрес, Фрей.

– Отлично. Сэкономим время на его поисках. Ключи у тебя?

Девятипалый еще раз погладил пса и, достав связку из нагрудного кармана, поднялся по каменным ступеням.

– Жди здесь, – махнул он одновременно и возникшему, и псу, а затем отпер тяжелую дубовую дверь.

Петли заскрипели, и звук эхом разнесся в загробной тишине дома. Внутри было очень холодно, а неумело расположенные окна едва пропускали свет.

– Они точно здесь жили? – спросил я, потому что место производило впечатление давным-давно заброшенного.

– Ага, – сказал Макгрей. Его шаги отдавались в коридоре гулким эхом, пока мы углублялись в дом. – Полковник, его жена и старик.

Что-то там было в воздухе. Нечто враждебное. Возникло чувство, будто невидимая рука устремилась ко входу и теперь толкала меня в грудь, вынуждая уйти. Я выбросил эту мысль из головы.

– Стало быть, все слуги ушли, – сказал я. – Еще до сеанса?

– Ага. Катерина так попросила. И после того, как вывезли тела, никого сюда больше не пускали, так что все должно быть...

Запнувшись обо что-то, я чуть не упал – пришлось даже схватиться за стену.

– Дерьмо! Надо было фонарь взять, – проворчал я. И понял, что споткнулся о половую доску. На протяжении всего коридора несколько штук было выдернуто со своих мест.

– Что-то сомневаюсь, что они тут ремонт затеяли, – сказал Макгрей.

И действительно, когда мы заглянули в одну из боковых комнат – в маленькую гостиную, то обнаружили, что и там обшивка была частично снята и с пола, и со стен.

– Судя по всему, они действительно что-то искали, – пробормотал я. – Так... где же все произошло?

– Макнейр говорил, что их нашли на втором этаже.

Мы поднялись по широкой лестнице, переступая через куски оторванного ковра и чуть ли не на ощупь продвигаясь вперед.

Внезапно в лицо мне дунул сквозняк, словно хлопнув меня по щекам – как призрачная рука. Я на секунду остановился и ущипнул себя за нос. Закрыв на мгновение глаза, я увидел сотни огней, отражавшихся в беспокойных водах озера и преследовавших меня.

В саду снова завыл пес.

– Ты в порядке, Перси?

Я тряхнул головой и вцепился в перила – прикосновение к полированному дереву вернуло меня в реальность.

– Да, – уверил я Макгрея, но он взглянул на меня с сочувствием, от которого я испытал лишь раздражение.

– Фрей, после того как моя сестра...

– Пойдем, – перебил я и обогнал его. – Которая комната? – уточнил я, поднявшись на пролет.

– Большая гостиная. Похоже, это она. – Он указал на приоткрытую дверь, сквозь тонкую щель которой пробивался солнечный свет. Макгрей медленно ее открыл, и петли заскрипели так же, как и на парадной двери.

Я настроился было увидеть что-то чудовищное, но в кои-то веки ничего подобного не случилось. Мы с Девятипалым чуть ли не на цыпочках ступили внутрь комнаты и молча вбирали каждую деталь. Окно выходило на южную сторону (моя мачеха пришла бы в ужас), а шторы были распахнуты, так что света нам вполне хватало.

Эта комната единственная во всем доме не выглядела раскуроченной; все ковры, обои и стенные панели из дерева были на своих местах. Пара книжных шкафов и тележка с напитками тоже казались нетронутыми.

Вид у гостиной был вполне обжитой. И лишь ее центр напоминал о смерти.

Там стоял круглый стол, явно не из этой комнаты. Его окружало семь довольно уродливых чиппендейловских стульев, два из них были опрокинуты. Белая скатерть съехала: в одном месте она была смята чьей-то рукой. Я представил, как умирающий цепляется за нее, падая на пол.

Я подошел поближе и увидел семь серебряных подсвечников. Лишь два из них по-прежнему стояли, остальные беспорядочно валялись на столе. Расплавившийся воск растекся и образовал застывшие лужицы с черными крапинками фитилей. Скатерть под ними обгорела: свечи подожгли ее, но воск, очевидно, затопил пламя. Что, надо сказать, было большой удачей: в противном случае комната могла бы сгореть дотла.

Макгрей наклонился и осторожно положил ладонь на стол рядом с пятном, которого я не заметил, – темным кругом, вероятно, оставшимся от графина.

– Здесь стояло подношение с кровью, – сказал он. – Единственный предмет, который наши парни отсюда забрали.

Я осмотрелся. На тележке стояли два недопитых стакана со спиртным и фарфоровая чашка с остатками чая, рядом с которой лежал цилиндрический сгусток пепла, все еще сохранявший форму сигары.

– Похоже, что все произошло очень быстро, – пробормотал я. – Предположу, что в течение пары минут. Иначе беспорядок был бы куда серьезнее.

Макгрей кивнул с довольно удрученным видом. Как и тела погибших, комната не давала нам никаких явных подсказок. Было понятно, где сидели люди, что они пили и курили; достаточно ясно, какой стул занимала Катерина – потому что ее длинные ногти оставили глубокие отметины на скатерти; вполне очевидно, что кто-то уронил сигару на пол; логика подсказывала, что чай пила миссис Гренвиль – на чашке остались следы помады...

Но здесь не было ни оружия, ни подозрительных пузырьков – ничего, что говорило бы о борьбе или злодеянии. Единственное свидетельство переполоха нашлось позади стола. Там мы обнаружили дорогостоящий фотографический аппарат, который лежал на полу.

Тренога уцелела, но вот гофрированные меха были смяты, а линза выпала. Стеклопластинка – или пластинки – были разбиты вдребезги.

– Похоже, кто-то на него упал, – произнес я, присаживаясь рядом с Девятипалым.

– Видимо, эта девица, Леонора. Катерина сказала, что она сделала несколько снимков. Та вспышка света, которую она видела, должно быть, исходила отсюда.

Я тщательно осмотрел аппарат. Вокруг него лежали обломки – ровный круг из осколков стекла и погнутых деталей. Складывалось впечатление, что мисс Леонора просто упала замертво, и никто из гостей не сумел прийти к ней на помощь.

Затем мы увидели деревянный ящичек, который стоял возле ближайшей стены, обшитой дубом. Он был большим и увесистым, а в замке его все еще торчал медный ключ.

– Пластинки? – с восторгом спросил Макгрей.

Я подошел к ящичку и осторожно его приоткрыл, полагая, что внутри могут быть уже отснятые пластинки.

– Дерьмо, – выругался я, откинув крышку. – Все эти пластинки новые.

Они были аккуратно расставлены в специальном отделении, заполненном лишь наполовину. Я заметил, что на зеленом бархате, которым был выстелен ящичек, остались следы на месте пластинок, явно вынутых в спешке.

В отделении поменьше хранились реактивы, линзы и жестянки с порошком для вспышки.

Макгрей бросил на них огорченный взгляд и уставился на осколки на ковре. Он с мрачным видом поковырялся в стекле.

– Жаль... Всего один чертов фотоснимок мог бы рассказать нам массу... – Макгрей резко обернулся. Я слишком хорошо знал это выражение его лица. Он что-то услышал.

Он медленно встал, глядя на приоткрытую дверь. Я сосредоточил все внимание на узкой щели, но видел лишь темноту.

– Посмотри-ка в окно, – громко произнес Макгрей, отрицательно качая головой и указывая на дверь. – Что это там на лужайке?

И тут я услышал слабый звук – что-то шуршало по ковру в коридоре. Кто-то там был.

Макгрей потянулся за револьвером, и мы увидели, как за дверью мелькнул чей-то серый рукав. Девятипалый бросился вперед и пинком распахнул дверь.

– Ты кто, мать твою, такой?

От его вопля я вздрогнул и чуть не выронил ящичек с пластинками. Я поставил его на пол и ринулся к двери.

В темноте коридора стоял упитанный седой мужчина, лицо его выражало неподдельный ужас. Он волок за собой большой мешок, перевязанный бордовым шнуром от штор, который он все еще сжимал в руке.

– Ты кто, мать твою, такой? – повторил Макгрей. – *Отвечай!* Пока не обделался.

Когда тот заговорил, голос его прозвучал так утробно, как будто именно это только что и произошло.

– С-слуга, сэр.

– Чей?

– Полковника Гренвиля, упокой Господь его душу.

Макгрей показал на мешок.

– А это что у тебя такое?

Мужчина взглянул на мешок, отпустил шнур, затем снова перевел глаза на нас. Поразмыслив с мгновение, он глупо улыбнулся, как ребенок, которого поймали за поеданием чужого куска торга.

И побежал прочь.

Девятипалый зарычал.

– Ох, да что ж они вечно...

И рванул за слугой с револьвером в руке, а я – следом за ним.

Мы сбежали с лестницы, Макгрей кричал мужчине, чтобы тот остановился. Он выстрелил в потолок, и куски гипса засыпали коридор как раз в тот момент, когда мужчина распахнул входную дверь.

Я увидел, как он мчится через лужайки со скоростью ветра и поскальзывается в грязи, огибая наш экипаж. Мы с Макгреем прицелились из револьверов, от чего возникший скорчил и завизжал.

За миг до того, как я нажал на курок, впереди показалась темная фигура. Огромный мастиф неся с пугающей скоростью – он настиг слугу за несколько прыжков и бросился на него, повалив его прямо в хлюпающую грязь. Мужчина бился и извивался, но пес крепко придавил его к земле своими мощными лапами.

Мы поспешили к ним – я опасался, что пес порвет мужчину на клочки. Макгрей же довольно потрепал зверюгу по шее, словно тот был его питомцем.

– Молодец, Маккензи! Отпусти несчастного засранца.

Пес не двинулся с места, продолжая рычать, и Макгрею пришлось оттянуть его за ошейник.

Я с облегчением удостоверился, что слуга был цел и невредим, разве что вымок и весь извозился в грязи.

– Ну надо же! – торжествующе провозгласил Макгрей, поднимая мужчину за грудки, словно тот был еще одним псом. – И ведь сегодня еще даже не Рождество!

– Я все могу объяснить! – заныл тип, пряча лицо, будто все еще опасался нападения мастифа. – Я все могу...

- Ох, заткнись уже! У тебя будет на это время.
- Кто вы такой? – спросил я.
- Х-холт. Александр Холт, – заикаясь, произнес он.
- Лакей полковника?
- Камердинер, вообще...
- Фрей, отвези его в Городские палаты. Я сам закончу осмотр дома.

Я чуть было не предложил ему поменяться ролями (в конце концов, грубой силой из нас двоих отличался именно Макгрей), но один лишь взгляд на тот дом заставил меня передумать. Ни за что не признался бы в этом вслух, но мне совсем не хотелось бродить по тем мрачным комнатам одному.

Да что же со мной творилось?

8

Проклятые газетчики все еще шныряли вокруг Городских палат, когда я туда вернулся. После нескольких часов под дождем вид у них был жалкий, но глаза их осветились радостью, когда они увидели, что я веду помятого слугу.

– Мистер Холт! – хором закричали они. – Вы признаете вину? Вы же говорили, что виновата цыганка!

В этот момент констебль Макнейр подоспел ко мне на помощь и избавил меня от необходимости прокладывать себе дорогу локтями.

– Да будет тебе известно, что когда-то к полицейским относились с почтением! – проворчал я Макнейру, как только мы вошли в здание. Сухопарый рыжий офицер повел мистера Холта в камеру. – В кебе еще остался тяжелый мешок, – сказал я ему. – Пусть кто-нибудь занесет его ко мне в кабинет.

Я поспешил в подвал напрямиком к столу Макгрея, где он держал виски. Я сделал большой глоток прямо из бутылки. Готов был поклясться, что все еще чувствовал тот мерзкий холодок, пробравший меня в доме Гренвилей, и только жгучее спиртное смогло прогнать это ощущение.

Кто-то вошел в кабинет именно в тот момент, когда я снова поднял бутылку.

– Не обращайтесь внимания, – сказал я, прочистив горло перед вторым глотком. – Это для лечебных целей.

Обернувшись, я увидел худощавого мужчину средних лет с каштановыми волосами и глубокими складками вокруг глаз. Он стоял, переплетя пальцы на груди, как священник, и наблюдал за мной, приподняв бровь.

– Инспектор Фрей, полагаю?

В ту же секунду в кабинет вошел молодой клерк, неся мешок с добычей Холта. Он положил его на стол Макгрея и, прежде чем покинуть комнату, кивнул этому мужчине.

– Суперинтендант.

Именно в тот миг, когда я осознал, что смотрю на нового главу шотландской полиции, капля виски сползла у меня по подбородку. Слегка покраснев, я стер ее платком и отставил бутылку в сторону.

– Суперинтендант Тревелян, – произнес я, также склонив голову, но не заботясь о том, чтобы звучать услужливо. – Рад знакомству.

Он бросил критический взгляд на виски, но комментариев на эту тему не последовало.

– Улики? – спросил он, кивнув в сторону мешка.

– Да. И мы взяли еще одного подозреваемого.

– Хорошо. Надеюсь, не еще одну гадалку. – было сказано без доли юмора. Этому мужчине, несмотря на его мирный вид, явно было не до шуток. – Я попросил клерка подготовить для вас эти документы, – продолжил он, указав на мой стол. Только тогда я заметил на нем стопку бумаг.

– Официальные документы всех жертв. Свидетельства о рождении, о заключении брака и тому подобное.

Я был ошарашен. Толковый суперинтендант – и, более того, шотландец – не вписывался ни в одну из моих привычных парадигм.

– Спасибо, сэр. Как вы узнали, что мы...

– Знать – моя работа. И я хочу, чтобы вы проявили деликатность во время расследования. На мой вкус, вокруг этого дела и так уже многовато шумихи. Мне пришлось отправить пару офицеров разогнать толпу на Кэтл-маркет. Люди хлынули в пивоварню той цыганки, будто это какая-то святыня. – Он вздохнул. – Завтра на предварительном слушании нас ждет балаган. Надеюсь, вы с этим справитесь.

Я кивнул.

– Мне уже не впервой, сэр. Возможно, вы видели мои отчеты, я возглавлял обвинение в деле серийной убийцы по прозвищу...

– Милашка Мэри Браун, – перебил он меня. – Да. Хотя некоторые офицеры поговаривают, что вы слишком уж любите рассказывать эту историю.

Даже если это была еще одна попытка пошутить, то на лице его она никак не отразилась. Он шагнул чуть ближе ко мне, и я почувал, что, несмотря на внешнее спокойствие, внутри его звенит напряжение.

– Что касается других дел, – сказал он, чуть понизив голос, – сообщил ли вам инспектор Макгрей, почему вы двое до сих пор здесь служите?

Я набрал воздуха, подготовившись к изнурительному расспросу.

– Сообщил.

Несмотря на выжидающий вид инспектора, больше я ничего не добавил. Он терпеливо подождал некоторое время, но в конце концов перешел к сути.

– Полагаю, вы не сможете пролить свет на подоплеку подобного запроса? Или на то, почему приказ исходит от... подобной персоны?

Он не решился даже вскользь упомянуть вмешательство премьер-министра. Я вспомнил схожий разговор с предыдущим суперинтендантом. С той поры не прошло и года, однако мне казалось, что минула целая жизнь. Мое отношение к службе изменилось, скажем так, кардинальным образом. Всего пару месяцев назад я попытался бы хоть как-то объяснить; сегодня же мне было все равно, и в любом случае решение оставалось за премьер-министром, а этот человек не обладал полномочиями меня уволить.

– Именно так, сэр, – таков был мой немногословный, но искренний ответ. Я не собирался давать ему доскональный отчет о мрачных подробностях ланкаширского дела.

Тревелиан изучающе воззрился на меня. Интересно, каким тоном он бы разговаривал с Макгреем. К моему изумлению, он решил не пускаться в дальнейшие расспросы, только заговорил еще тише:

– Я закрою глаза на детали этого дела, но если однажды понадобится моя помощь...

Мы молча взглянули друг другу в глаза. Какая же чудная вышла беседа: так мало сказано, так много неизвестных, но столько очевидных намеков.

– Вы знаете, где меня найти, – заключил он.

С этими словами он обратился ко мне не как к подчиненному. Уходя, Тревелиан кивнул мне, как своей ровне.

Я решил, что он мне нравится.

Сперва я осмотрел вещи, которые пытался стащить мистер Холт.

В мешке обнаружили несколько дорогих кожаных аксессуаров, пара карманных часов, два толстых пальто и кое-какое охотничье снаряжение, присутствием которого объяснялись размеры и тяжесть мешка. Эти вещи, пусть и не безделушки, не показались мне особенно ценными. Я думал, что увижу деньги, облигации или украшения миссис Гренвиль. Найденное же скорее выглядело набором памятных вещиц.

Я чуть было не отпихнул мешок в сторону, но тут кое-что привлекло мое внимание. Крошечный черный сверток, почти затерявшийся в складках мешковины. В нем была тонкая цепочка, на которой висел довольно необычный кулон: золотой самородок размером примерно с ноготь. Шероховатый и тусклый, он выглядел так, будто его только что добыли из прииска.

Я рассмотрел его и спрятал в свой стол. С этим можно разобраться позже.

Затем я занялся документами семейства. Их досье оказались более чем содержательными, чем я ожидал, и нарисовать семейное древо было проще простого. Проведя семейные

связи, я подчеркнул имена всех скончавшихся и обвел имена тех шестерых, что погибли в пятницу. Картина начала проясняться.

Бабушка Элис действительно была замужем дважды и родила пятерых детей – троих в первом браке и двоих во втором. Лишь одна из них – мать миссис Гренвиль – до сих пор была жива. Судя по датам, ей было пятьдесят шесть лет, и я сделал вывод, что именно ей досталась опека над тремя осиротевшими детьми полковника.

Столь же удивительно было и то, что в живых остались только двое внуков Элис, и между ними наблюдалась странная симметрия: одного звали Уолтер Фокс – он был единственным сыном старшей дочери Элис (которая умерла несколько лет назад). Второй, Харви Шоу, приходился сыном младшему ребенку Элис, Ричарду, также покойному. Уолтеру и Харви было тридцать восемь и тридцать два года соответственно. Я подозревал, что мы, скорее всего, увидим их на предварительном слушании.

Когда я решил в последний раз взглянуть на проделанную работу, в кабинет ворвался Девятипалый. Вымокший до нитки, он притащил с собой огромную рыбину, завернутую в промасленную газету. К моему изумлению, следом за ним вошли два пса. Маккензи и Такер, свесив языки, прыгали у него под ногами, а Макгрей забрасывал им в пасти ломтики рыбы.

– Ты что, пешком сюда из Морнингсайда шел?

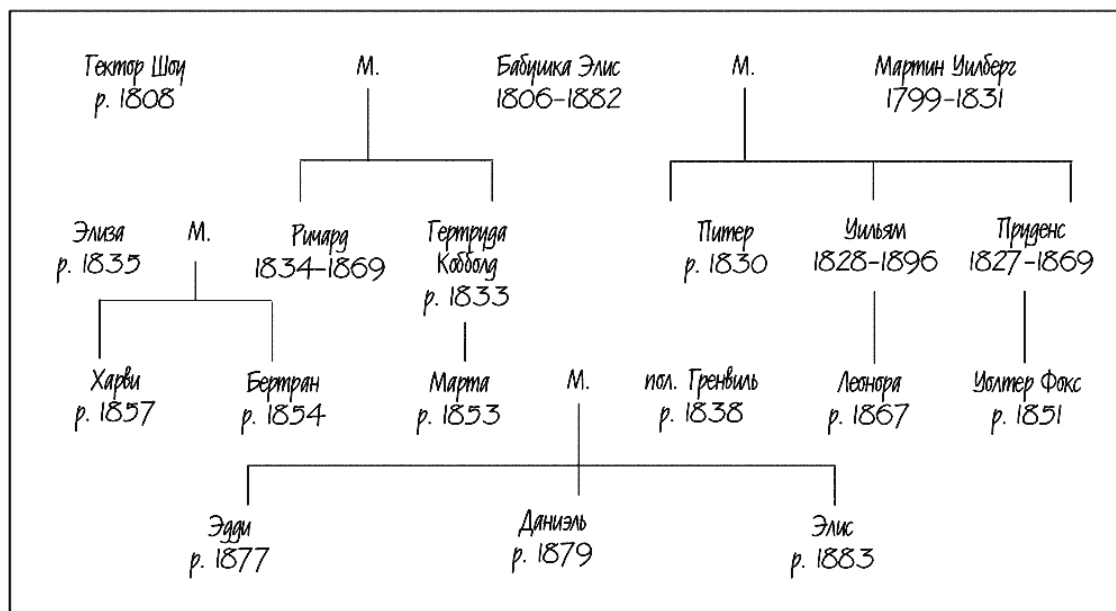
– Ох, нет, конечно, ты умом тронулся? Только из «Энсина». Там же льет как из ведра.

Макгрей плюхнулся за свой стол, задрал ноги и забросил пригоршню жареной картошки к себе в рот.

– Я забыл с утра поесть. Проголодался как черт!

Мне пришлось заткнуть нос.

– Ты нашел что-нибудь?

Он взглянул на меня с тем своим загадочным видом, за которым обычно следовали его глупые комментарии.

– Что-то недоброе было в том доме, Фрей.

– Ты повстречался с призраком бабушки Элис?

Макгрей не нашел в этом ничего смешного.

– Ты же тоже это почувствовал. Я видел твое лицо.

Я шумно выдохнул.

– Не буду отрицать, мне было... слегка не по себе. Но вовсе не из-за снующих там призраков.

Макгрей прожевал кусок и проявил невиданную доселе учтивость, заговорив лишь после того, как проглотил еду. Его сочувственный взгляд снова меня разозлил.

– Фрей, я не прошу тебя изливать душу, но я понимаю, что ты все еще горюешь по своему дяде. Тебе показалось, что ты заново переживаешь тот кошмар?

Я отвернулся в другую сторону, но Макгрея это не остановило.

– Некоторые призраки это умеют. Оживляют в тебе худшие...

– *Да плевать мне на них!* – сорвался я. Подскочили даже собаки, развалившиеся было на полу. – Все это полная чушь! Единственное, что меня интересует, это нашел ли ты в том доме что-нибудь существенное. Если нет, то будь добр, заткни свой рот этой отвратительной...

– Ладно, ладно! Не кипятись! Да, я кое-что нашел. И тебе это понравится.

Он порылся в нагрудном кармане и швырнул что-то на мой стол. Это был небольшой узкий предмет, завернутый в грязную тряпку.

Я брезгливо ее развернул – она была вся в жире и налипшем тесте – и чуть не задохнулся от увиденного. Нож с коротким лезвием.

– Это тот нож, который они использовали для *подношения*?

– Видимо.

Его лезвие, несмотря на малый размер, было острым как скальпель, а рукоятка вырезана из слоновой кости. Светлый оттенок ее сильно контрастировал с багряным цветом свернувшейся крови, засохшей вдоль острия.

– Дорогая вещица, – пробормотал я, осторожно приподняв нож. Макгрей подошел ко мне и схватил лист с семейным деревом.

– Где ты нашел этот нож? – спросил я. – Мне он не попадался.

– Прямо под аппаратом. Тот, видимо, упал прямо на него.

Я откинулся на стуле и переплел пальцы.

– По словам Катерины, полковник снова пустил себе кровь во время сеанса. Должно быть, он выронил нож прямо перед тем, как Леонора рухнула и опрокинула аппарат. Вероятно, полковник уже умирал, пока она... Десятипалый, будь любезен, не пачкай своим мерзким ужином мою работу!

Я выдернул у него уже изрядно заляпанное семейное дерево.

– Ох, да что это, черт возьми, меняет? – И он снова выхватил лист, чтобы подробно его изучить.

Я стал заворачивать нож обратно в тряпку.

– Надо поместить его к остальным уликам. Не знаю, что мы... – И тут я замолк, изогнув шею и поднеся нож поближе к глазам.

– Что там? – спросил Макгрей. Он заметил, что я разглядываю острие ножа. Я держал его всего в дюйме от глаз.

– Они все использовали этот нож?

– Не знаю, но это могло бы объяснить, почему умерли только те шестеро засранцев. Что могло послужить причиной? Мышьяк?

Я кивнул.

– Это один из вариантов. Нужно, чтобы Рид поскорее провел те пробы. Если он слишком занят, я могу попробовать сам.

– Нет уж, – заявил Макгрей, выхватив у меня маленький сверток. – Слишком многое на кону. Я не хочу, чтобы чертов зануда-прокурор отклонил результаты, если ты где-то перемудришь. Я сейчас же поговорю с Ридом. Втолкую ему, как это срочно.

– Как хочешь, – сказал я отчасти с облегчением.

Я хотел последовать за ним, но Макгрей меня остановил.

– Нет, Перси, подожди тут. Парнишка от одного твоего вида закипает.

И снова я вздохнул с облегчением.

Девятипалый вернулся через каких-то десять минут с невыносимо самодовольным видом.

– Готово. Он постарается дать нам ответы завтра утром, может, и до слушания успеет.

У меня не было настроения слушать, как он хвалится своими успехами, так что я быстро сменил тему и кратко рассказал ему об улове Холта.

– Этот тип все еще у нас в камере, – заключил я. – Хочешь, сейчас его допросим?

Макгрей потер руками.

– О да. Возможно, он – спасение для Катерины.

9

Комната для допросов и так представляла собой угнетающее зрелище – голые кирпичные стены, убогая обшарпанная мебель и узкое окно, которое почти не пропускало свет. Но сегодня в грязное стекло бился дождь, и комнатка выглядела еще мрачнее.

Когда мы вошли, Холт грыз ногти и обливался потом. Позади него сидел клерк, готовый записывать показания мужчины.

Макгрей сел лицом к Холту. В комнате был еще один стул, но я предпочел вести записи, стоя за Десятипалым. Я старался не допускать прикосновения своей одежды к здешним грязным стульям.

– Мистер Холт! – произнес Макгрей. Даже не видя его лица, я знал, что Десятипалый улыбается. – Стоит ли мне сообщать вам, сколь глубоко в дерьме вы оказались?

– Я могу все объяснить, – в очередной раз сказал Холт.

– Ой, неплохо бы. Судя по тому, в каком виде была спальня полковника, и по вещам, которые наш денди обнаружил у вас в мешке, я бы сказал, что вы положили глаз на имущество господина. Часы, одежда, добротное итальянское ружье. Зачем вы все это взяли?

Холт вдавил ладони в стол в попытке усмирить их дрожь.

– Все эти вещи мне были обещаны. Полковник знал, что они мне нравятся. Он много раз говорил, что они достанутся мне, если с ним что-то случится.

Десятипалый прыснул.

– Ага, конечно, так он и сказал.

– *Клянусь!* Он...

– Вы доказать это сможете? – вмешался я. – Кто-нибудь из приличных людей хоть раз слышал, как он об этом говорил? Он где-нибудь оставил об этом запись?

– Да! Ну... по-моему, оставил. Он сказал, что впишет это в свое завещание.

Проверить это было нетрудно, но я не стал об этом говорить. Просто уставился на него с откровенным недоверием. Я давно убедился, что такой взгляд иногда срабатывает лучше, чем грозные расспросы.

– В этом доме полно вещей, куда более ценных, чем эти! – не выдержав, крикнул Холт. – Я взял лишь то, что мне полагалось. Клянусь.

Я кивнул, все еще изображая сомнение.

– Предположим, вы говорите правду. Тогда зачем вы унесли эти вещи именно сейчас? Почему не дождались, пока огласят завещание? Тогда вы спокойно...

– Знаю я, как это все бывает, – перебил он меня. – Я по уши в долгах! Мне семью надо кормить! У меня маленькая дочка и больше нет работы – если я не заплачу за жилье, малую придется отдать в приют.

Он спрятал лицо в ладонях, видимо, чтобы скрыть слезы, и я ощутил прилив сочувствия. Но даже если это правда – опять-таки, удостовериться в этом не составляло особого труда, – его поведение все равно выглядело весьма подозрительным.

– У вас были свои ключи от дома, – сказал я. – Почему вы не сдали их полиции?

Холт почесал седую бороду.

– Запасной комплект я держал дома. У меня не было его с собой, когда туда пришли полисмены. И я ничего не сказал, потому что хотел забрать то, что мне причиталось. – Он с мольбой взглянул на Макгрея. – Но я пошел напрямиком в комнату господина! Я ни в жизни не осмелился бы украсть что-то у него из дома, особенно из комнаты, где он погиб!

– Точно? Вы точно ничего не взяли из гостиной, в которой проходил сеанс?

– *Точно-точно!*

Макгрей пронзил его взглядом, и Холт тихонько заскулил.

– Совсем ничего? – повторил Макгрей.

Скулеж стал чуть громче, и я представил, что голова Холта – это воздушный шар, который вот-вот лопнет. В конце концов, почти так и вышло.

– Я... да – но... я не брал!

Мы с Девятипалым одновременно произнесли:

– Что ты, черт тебя дерит, несешь?

– Может, объяснитесь?

Холт опустил взгляд.

– Ну, я...

Макгрей треснул ладонью по столу.

– Эу! В глаза мне смотри.

Холт взглянул на него, не поднимая головы.

– Я не заходил в гостиную, клянусь. Мне было страшно! Особенно после...

– После чего?

Мужчина облизнул губы.

– Я направлялся в спальню господина. Прошел мимо двери в гостиную. Она была открыта. Я... увидел на полу подвеску мисс Леоноры – ту, с золотым самородочком...

Мы с Макгреем переглянулись, вспомнив этот предмет.

– То есть она просто там лежала, – сказал Макгрей полным подозрения голосом.

– Ага. Полисмены, видать, обронили его, когда забирали... юную мисс.

– Зачем вы ее взяли? – спросил я. – Вы же говорили, что не решились бы на кражу.

Холт густо покраснел, и на миг мне показалось, что он сейчас прослезится.

– Это... – начал он, но затем прикрыл рот кулаком, будто пытался подавить рвотный позыв. – Это было так просто.

Бровь Макгрея поползла вверх.

– Откуда ты знал, что это была вещь мисс Леоноры?

Румянец на лице Холта стал ярче.

– Она всегда ее носит. В смысле... всегда носила. – Его голос понизился до шепота. – Я подумал... что она ей больше не понадобится.

Макгрей явно хотел расспросить его подробнее, но тут вмешался я.

– Думаю, мы достаточно узнали о сегодняшних событиях. Меня больше интересует прошлая пятница. А также несколько дней до того.

Холт откашлялся.

– Постараюсь помочь...

– Зачем они обратились к цыганке? – оборвал я его.

– По семейному делу.

– И какому же?

Холт покачал головой.

– Я не знаю. Мне так никто и не сказал.

Макгрей усмехнулся.

– Ой, умоляю! Ты точно что-то слышал.

– Я не имею привычки подслушивать, о чем...

– *Вы точно что-то слышали!*

Резкость моего окрика поразила меня самого. Холт вздрогнул от моего возгласа, затем сглотнул.

– Они... они что-то искали.

– И что же?

Холт перевел взгляд с Макгрея на меня.

– А что вам цыганка сказала?

Макгрей подался вперед.

– Вопрос *тебе* задали.

– Я... Я-я не знаю. Я...

– Похоже, твой господин искал что-то в том доме. Что именно?

– Я вам сказал уже, я не знаю!

Макгрей сжал кулаки, готовясь сделать из него отбивную. Мне пришлось погладить его по плечу, как успокаивают рассвирепевшего пса.

– Вы служили у полковника камердинером, – сказал я. – Сколько лет?

– Пять... шесть лет.

– Чистили его вещи, помогали ему одеваться, приносили ему еду...

– Да.

– Значит, вы *точно* видели, как они что-то ищут. Мы заметили доски, вырванные из стен и полов. За одну ночь столько не успеть. Я думаю, что вы им в этом даже помогали.

– Нет! Мои господа занимались поисками. Я – нет.

– И все же вы не имеете представления, что именно они искали.

– Я сказал уже вам, это было семейное дело! Они не делились секретами с такими, как я. Меня это устраивало.

Я поднял уголки рта.

– Как показывает мой опыт, мистер Холт, слуги все равно обо всем узнают. Даже не желая того.

Он хмыкнул.

– Значит, вам служили только пронырливые сплетники.

– Ясно, – вздохнул я, – давайте поговорим о миссис Гренвиль.

– Что насчет нее?

– Мы обнаружили на ней ужасные кровоподтеки. Вы когда-нибудь слышали, чтобы полковник... был с ней груб?

Холт передернул плечами.

– Да. Было дело, но в семейной жизни всегда так: то ладно, то прохладно. Большею частью она казалась счастливой. – Он отвел глаза. – Хотя скажу вот что: ее матери не нравилось, что они с мужем ссорятся.

– Как мать относилась к полковнику? – задал вопрос Макгрей. – Он ей нравился?

– О, совсем нет. Она всегда нервничала, когда господин был поблизости.

Я вспомнил, как ее звали: Гертруда. Все еще здравствует. Я сделал себе пометку побеседовать с ней.

– Вернемся к событиям того дня, – сказал я. – Мы также нашли ссадины на руках вашего господина. Он с кем-то подрался?

– Вроде нет, сэр, но меня почти весь день с ним не было.

– Почему?

– Я доставлял гостей – почти всех, включая цыганку.

– Понятно. Вы помните, в какое время и в какой очередности их привозили?

– Ага. Мисс Леонора была первой. Я забрал ее из дома мистера Уилберга, ее дяди. Это было где-то в полдень.

– Так рано? – удивился я.

– Ага. Ей нужно было купить что-то для фотоаппарата, поэтому я сначала отвез ее на Принсес-стрит. После этого я привез ее в Морнингсайд, и она сразу начала готовить гостиную к сеансу. Я помогал ей, но полковник велел мне ехать к миссис Элизе.

– К миссис Элизе? – спросил Макгрей.

– Родные так ее зовут, хотя после смерти бабушки ее следовало бы звать миссис Шоу. Она мать мистера Бертрана, кузена миссис Гренвиль. Он-то все жил вместе с младшим братом и матерью. Господи, бедная миссис Элиза, наверное, убита горем!

Я заглянул в свои предыдущие записи.

– Полагаю, что за старым мистером Шоу ехать не пришлось, поскольку он жил в одном доме с полковником и его женой.

– Ага.

– Значит, последним, кого вы доставили, стал второй мужчина, Питер Уилберг.

– Ага.

– Почему вы не забрали его вместе с племянницей, Леонорой? Она ведь жила с ним с тех пор, как умер ее отец.

Я заметил, что у мистера Холта задрожала губа.

– Мистера Уилберга не было дома. Мисс Леонора сказала мне, что у него дела и что за ним придется вернуться позже. Что я и сделал – я высадил его в Морнингсайде в начале девятого.

Макгрей присвистнул.

– Многовато поездочек для одного дня! Мистер Уилберг жил возле Ботанического сада – я видел адрес на жетоне собаки. Это ж на другом конце Эдинбурга.

Холт развел руками.

– Такая у меня была работа, инспекторы.

– И после этого вы поехали на Кэтл-маркет, – продолжил я.

– Да. Я должен был забрать цыганку в половине девятого. Я приехал чуть раньше, но ее лакей – или как она там называет того жирного парня, который торгует у нее пивом, – сказал мне, что она все еще с клиентом. Я прождал почти два часа. Аж задница устала сидеть. В начале двенадцатого она наконец вышла. Я запомнил время. Знал, что господин крепко рассердится.

– Мадам Катерина как-то объяснилась?

– Нет, сэр. Она просто села в коляску и строго наказала мне поторапливаться. Я даже лица ее не видел. На ней была такая черная вуаль. И от нее разило. Думаю, она была пьяная.

При этих словах Макгрей сжал кулаки. Как и клерк, я записал эту деталь и подчеркнул ее, прежде чем перейти к следующему вопросу.

– Кто-нибудь из гостей показался вам странным?

– Нет... ну, мисс Леонора была очень взбудоражена, как всегда с ней бывало, когда она занималась всеми этими оккультными делами. Мистер Уилберг был слегка на взводе, но он вообще всегда такой... Все были очень напряжены, когда я уходил.

Я попросил его в подробностях описать комнату, и его рассказ сошелся с картиной, которую мы там застали.

– Значит, после этого вы их покинули, – сказал я.

– Да. У меня был приказ: уехать и вернуться с первыми лучами, до того как придет остальная прислуга.

– Что вы делали той ночью?

Его ответ прозвучал вполне уверенно.

– Зашел в наш местный паб на пару стаканчиков, а потом прямым ходом к жене.

– Кто-нибудь может это подтвердить? Помимо жены и пропойц из *вашего* паба?

– Да! Хозяин паба меня вспомнит. И мой домовладелец, конечно. Я поругался с ним, когда вернулся домой.

– В такой час? – спросил я. – Это же была глубокая ночь.

Холт снова покраснел.

– Кхм... Скорее, раннее утро, сэ. Шестой час, кажется. Он надеялся стрясти с меня ренту. Я... я скрываюсь от него уже несколько месяцев. Он грозился нас выселить. Я сказал ему, что у меня нет денег.

– Потому что ты спустил все на пенное и крепкое, – добавил Макгрей, от чего Холт совсем сник.

– Я... я и пабу задолжал, – едва выдавил он из себя, крепко сцепив руки на коленях.

Я спросил его адрес, название заведения и адрес его домовладельца.

– И после этого вы пошли к себе?

– Да. Чуток отдохнул – сколько жена дала, она та еще надоеда, – а потом умылся и поехал обратно в дом.

– Ясно. Он был заперт?

– Да, сэ.

– Но ключи были только у вас и у ваших господ.

На этих словах Холт сглотнул и сумел лишь кивнуть. Я сделал пометку и продолжил допрос.

– Не создалось ли у вас впечатления, что кто-то проник в дом, а потом сбежал?

– Нет, совсем нет, сэ.

– Вы уверены?

– Д-да! Я по сторонам не смотрел, сэ – понимаете, у меня было сильное похмелье, – и я помню, что видел только следы собственной коляски. Было очень слякотно, и я обратил внимание, как глубоко в грязь ушли колеса.

Я нахмурился. Доказать это было невозможно. С другой стороны, зачем Холту признавать, что посторонних вторжений в дом не было? Это только усилило бы подозрения по отношению к нему.

– А теперь, – сказал Макгрей, подавшись вперед, – расскажи-ка нам, в каком виде ты нашел тела. Кто где был? И давай во всех подробностях.

Холт с усилием сглотнул. Цвет его лица сменился с пунцового на зеленоватый, и он засучил руками. Казалось, что он пытается стереть с них собственную кожу.

– Бедная мисс Леонора... – начал он, борясь со слезами, – лежала на фотографическом аппарате. Все было разбито вдребезги. И на лице у нее был ужас, как будто... будто она узрела саму преисподнюю.

Стараясь не расплакаться, мужчина надавил себе на веки, да так сильно, что я заперевивал, не лопнут ли у него глаза. Затем он откашлялся и снова на нас взглянул – со слегка пристыженным видом.

– Молодой мистер Бертран лежал рядом с ней с тем же выражением на лице. Стул его был опрокинут. Я думаю, он упал назад. По другую сторону стола лежали миссис Гренвиль с дедушкой, оба на полу. Бедная леди так вцепилась в рукав старика. Не знаю почему, но у нее был такой вид... как у ребенка, который тянется к родителю... Полковник и мистер Уилберг были по обе стороны от цыганки. Они... тоже лежали на полу, но... – Холт уставился в никуда и целую минуту молчал.

– Но что? – подсказал Макгрей.

Холт вздрогнул, будто внезапно очнулся ото сна.

– У всех был испуганный вид – но только не у этих двоих. Они выглядели сердитыми.

– Сердитыми, говоришь?

– Да. Они хмурились. И челюсти у них были крепко сжаты.

Это я тоже записал.

– А что насчет цыганки?

– О, она все еще сидела на своем месте. Только она была на своем месте.

– Но она же была без чувств, так ведь? – встрял Макгрей.

– Да... голова у нее была запрокинута. Я... – Холт содрогнулся. – Я подумал, что она мертва. Из всех них она выглядела самой что ни на есть мертвой. Рот у нее был открыт, эта вуаль черная. Я не помню, дышала ли она... Она выглядела... как труп.

– И признаков борьбы вы не заметили. Вообще ничего, что указывало бы на то, что там произошла стычка или побывал чужак?

– Ничего такого, сэр. И сегодня не заметил. Все в доме было на тех же местах, как и в тот самый день.

– То есть... по-вашему, они просто упали замертво? Ни с того ни с сего? Убитые злым духом?

Он, с глазами на мокром месте, сумел лишь кивнуть и больше ничего не сказал. Я заговорил, как только записал все показания.

– И вы сразу же отправились в полицию?

– Да, сэр. Немедленно.

– Вы, наверное, пару минут приходили в себя, прежде чем ушли.

– Все... все как в тумане, сэр. Кажется, меня стошнило. Я... Я чуток оцепенел, но, как только очухался, сразу же оттуда выбежал и позвал на помощь.

– Вы что-нибудь трогали?

– Н-нет! Конечно, нет!

– Вы даже тела не попытались встряхнуть? Проверить, нет ли среди них живых?

– Нет! Я... – он хватал воздух, все сильнее волнуясь. – Я никого не трогал. Я не решился!

– Ничего страшного, – сказал я примирительным тоном. – Зрелище было жуткое. Я не вменил бы вам в вину, если бы вы кинулись к телам и...

– *Не трогал я!* – взревел он, грохнув кулаками по столу, и закрыл ладонями лицо. Некоторое время он жалко всхлипывал, и мы дали ему время успокоиться.

Макгрей заговорил первым.

– Боюсь, нам придется тебя задержать.

– *Что?* Вы сбрендил? Я же только что вам сказал, что у меня!..

– Это ты сбрендил, если думаешь, что мы тебя сейчас отпустим. Ты вломился в дом, пытался украсть вещи, сопротивлялся при аресте, унес вещь с возможного места преступления... – Он перевел дух для драматического эффекта. – Доказать, что ты не испортил картину произошедшего в той комнате, прежде чем позвал полисменов, невозможно... И, если уж честно, ты, по-моему, мерзкий лжец.

Я вздохнул.

– Макгрей...

– Вороватый, охочий до чужого, ушлый говнюк. Я думаю, что все это твоих рук дело.

Холт снова переменялся в лице – на сей раз побелел как снег.

– Что?

– Я думаю, что это ты их всех убил.

– *Что?* Зачем мне убивать своего господина? Я вам уже говорил, я по уши в долгах! Можете проверить все, что я сказал! Спросите людей, которые видели меня той ночью. Спросите миссис Элизу или...

Макгрей наклонился к нему.

– Я знаю, что ты что-то от нас утаиваешь. По лицу твоему вижу.

Холт моментально смолк – вряд ли даже удар в живот от Десятипалого сработал бы лучше.

Я уже готов был ему поверить, но возникшее на его лице выражение вновь пробудило мои подозрения.

– Предварительное слушание завтра утром, – сказал я. – Там у вас будет масса возможностей объясниться.

10

Когда я наконец-то вышел из Городских палат, то с отвращением обнаружил, что на улице по-прежнему лил дождь. Одно утешало: час был поздний, и репортеры уже разошлись, так что я спокойно доехал домой.

Мы с Макгреем договорились встретиться следующим утром сразу в тюрьме Кэлтон-хилл и сопроводить Катерину в шерифский суд – в таком случае мы даже успеем ее проинструктировать. Я мог лишь догадываться, какие мысли занимали ее той ночью.

Лейтон встретил меня внушительной порцией бренди и сообщил, что Джоан, моя бывшая экономка, только что ушла. Она принесла для меня восхитительного запеченного цыпленка, но, поскольку служила она теперь у Макгрея, то дожидаться моего возвращения не смогла. Я весь день как следует не ел и перед сном проглотил три четверти птичьей тушки, о чем позже весьма пожалел.

Стоило мне прилечь, как я почувствовал, будто кровать подо мной и вся комната куда-то плывут. Я словно лежал на дне лодки лицом вверх – тошнотворно знакомое ощущение. Оно часто посещало меня после нашей трагической поездки на Лох-Мари (той самой, что стоила моему дяде жизни) и было худшим вариантом укачивания на суше, какое я когда-либо испытывал.

В очередной раз я закрыл глаза, и меня захлестнуло волной нежеланных образов – факелов, безлюдных островов, мертвецов... Мне пришлось зажечь масляную лампу – я боялся, что снова увижу лицо покойного дяди.

А потом я осознал, что целый день чувствовал себя хорошо. За исключением того краткого эпизода в доме полковника, я даже не вспоминал о случившемся. Работа отвлекала меня и держала в блаженном забытьи, но стоило мне только очутиться наедине с собой в темной и тихой спальне, как меня опять накрыло.

Как глупо я, должно быть, выгляжу со стороны. Внезапно я представил, как все в шерифском суде смеются надо мной – над трусливым инспектором, разучившимся засыпать без зажженной лампы на прикроватном столике.

И снова я проснулся безбожно рано, и снова Лейтон зашел ко мне с утренним кофе и завтраком. Нехватка сна пробуждала во мне сильный голод, поэтому я попросил добавку тостов с маслом и побольше сахара в кофе.

Впрочем, я все равно зевал всю дорогу до Кэлтон-хилл. Макгрей уже был на месте и топтался в ожидании на тюремной эспланаде. Увидев меня, он присвистнул.

– Жутко выглядишь, Перси.

– Какая ирония – слышать это от тебя, – проворчал я, обведя жестом всю его персону, и мы зашагали в сторону здания. – Катерина готова?

– Ага. Я попросил парней привести ее в одну из комнат для допросов. Я думаю, что она...

– Инспектор Макгрей! – крикнул молодой офицер, подбежавший к нам со стороны ворот.

– Да?

– Там девица спрашивает о вас, сэр.

– Чего?

– Я велел ей убираться, но от нее не отвяжешься. Просила сказать вам, что ее звать *Мэри* из «Энсина».

Макгрей тотчас изменился в лице, и, как бы мне ни хотелось уже заняться делом, я был вынужден проследовать за ним к главным воротам.

Офицер впустил внутрь пухлую девушку с пышной копной вопиюще рыжих завитков – того же цвета были и сотни ее веснушек. Ей пришлось протиснуться мимо троих газетчи-

ков, которые толклись у входа в попытке хоть что-нибудь разглядеть. Я опознал в ней хозяйку любимого паба Макгрея.

– *Мэри!* – воскликнул Макгрей с улыбкой, как только ворота закрылись. – Ты что тут делаешь?

При ней была большая корзина, которую девушка бросила на пол, с рыданиями кинувшись к Макгрею на шею. Он обнял ее и погладил по спине с возмутительной фамильярностью.

– Ну все, все! Что случилось, детка?

– Как она там? Ты ее видел?

– Ты про мадам Катерину? – спросил Макгрей.

Девушка сопела и всхлипывала и потому смогла ответить лишь кивком.

– Ага, мы с ней виделись.

– Вы с ней знакомы? – порядком удивившись, спросил я.

– Само собой, знакома! – Мэри вытерла слезы и оглушительно высморкалась. – Она *так* помогла мне, когда умер мой старик. Мне только шестнадцать тогда исполнилось. Я была та еще бестолочь. Но она пришла ко мне и сказала, что папа присматривает за мной с небес.

Я усмехнулся.

– И сколько она с вас за это со...

Тычком в ребро Десятипалый заставил меня умолкнуть.

– Ой, ничего она с меня не взяла, сэр. Она прослышала, что я в беде, и сама меня нашла. Я была на мели после похорон, а потом кто-то ограбил «Энсин»... Я там была в тот момент, да только и смогла, что схорониться за бочками! Мадам Катерина одолжила мне денег и еще несколько месяцев продавала мне эль в кредит. Если б не она, я потеряла бы «Энсин». – Она торопливо подобрала свою корзину и сунула ее мне в руки. – Вот, сэр. Пожалуйста, передайте это ей, умоляю вас. Я принесла ей пирожков, и сыра, и помадку. А еще одеяло, кусок мыла, потому что... ну, вы знаете. О, и кой-какие вещи приличные, чтобы она к суду приделась, и косметику для лица, какую она любит.

– Ох... мадам, я не думаю, что нам позволят...

– Прошу вас! Эти парни говорят, что мне к ней нельзя. Я бы вас не беспокоила, если бы... если...

– Конечно, мы передадим, милая! – вмешался Макгрей, видя, что Мэри не может подобрать слов. – Мы скажем ей, что ты приходила.

– Спасибо! *Спасибо*, Адольфус! Пожалуйста, скажи ей, что я молюсь за нее.

Макгрей потрепал девушку по круглой щечке, словно она была дитятей, и попрощался с ней.

Пока мы шли к зданию, я пытался пристроить корзину к нему в руки, но он так ее и не взял. Сквозь зарешеченные окна кто-то из заключенных выкрикивал игривые непристойности в мой адрес.

– Ты, похоже, весьма... близко знаком с этой молодой женщиной, – сказал я, и Макгрей осклабился, в глазах его сверкнул огонек. – Вы с ней?...

– Бывает. Чешемся друг о друга, когда зудит, если понимаешь, о чем я...

– Понимаю, понимаю, – пробурчал я.

– Но девчонку устраивает ее нынешняя жизнь – у нее свое местечко, никому подчиняться не нужно...

Я кивнул. Рамки приличий для женщин вроде Мэри были куда шире тех, что ограничивали жизнь любой леди из высшего общества.

Тюремщики снова привели нас в комнату для допросов, но нам пришлось подождать несколько минут, пока Катерина переодевалась в одежду, которую принесла для нее Мэри. Когда она наконец явилась, я приятно удивился.

На ней было простое серое платье, наглухо застегнутое до самой шеи (что наверняка огорчило бы ее почитателей). Она отказалась от двухдюймовых накладных ресниц и ограничилась лишь тушью, да и то в весьма разумных количествах, а также уложила волосы в простую косу, поверх которой надела небольшую скромную шляпку. Шаль на плечах придавала ей почти добропорядочный вид.

– Сойдет для ваших ублюдков присяжных?

Я сморгнул.

– И тут иллюзия разбилась вдребезги.

– Сойдет, дорогуша, – сказал Макгрей, отсмеявшись.

– Передай Мэри, что я ей очень благодарна. Она чудо что за девочка.

– Она о вас не забывает, – сказал Макгрей с мрачным видом. – Многие не забывают.

Воцарилась глубокая тишина – излишне драматичная, на мой взгляд.

– А теперь, может, поговорим про суд? – произнес я, откашлявшись. – Времени мало.

– Ага, – сказал Макгрей. – Катерина, я хочу, чтобы вы прислушались к нашему денди.

Знаю, просьба не из легких, но в присяжных он разбирается побольше нашего.

Я сразу перешел к сути.

– Сегодня на слушании вас судить не будут. Присяжные просто решат, достаточно ли улики, чтобы расценивать эти смерти как убийства, что...

– Ну конечно, они решат, что это убийства! – не выдержала она. – Я же слышу, что охочая до моей кровушки шваль кричит там на улице.

Я вздохнул, поскольку знал, что народное негодование вероятнее всего действительно повлияет на шерифа и присяжных, но в тот момент предпочел об этом умолчать.

– Мы заявим, что улики на данный момент недостаточно, – сказал я. – Что есть правда – пока еще. Конечно, было бы лучше, если мы уже получили результаты вскрытия... – Я укоризненно взглянул на Макгрея.

– Рид сказал, что найдет нас в суде. Он обещал, что к тому времени доделает отчет.

– Чертовски на это надеюсь, – в унисон сказали мы с Катериной, и оба вздрогнули.

– Если присяжные сочтут, что улики указывают на убийство, то в соответствии с тяжестью преступления шериф направит дело в Высокий суд. После этого суд решит, считать ли вас обвиняемой.

– Как думаешь, чем все закончится? – спросила она. – И не подслащивай пилюлю, сынок. Правдой меня не убьешь.

Я взглянул на Макгрея, и он коротко кивнул.

– Я сделаю все, что смогу, – уверил я ее, – но поскольку мы пока не нашли убедительных доказательств в пользу вашей невиновности, то, думаю, полноценного процесса не избежать. Однако есть шанс, что мы сможем... в *какой-то* мере сберечь ваше имя. Камердинер полковника, мистер Холт, сейчас в очень сомнительном положении. Думаю, что шериф скорее сочтет виновным *его*. Вы, мадам, вероятно, останетесь подозреваемой, но я надеюсь, что вам хотя бы позволят дожидаться суда у себя дома. – Катерина испустила выразительный вздох, который оборвался, когда я поднял палец. – Это случится только в том – исключительно в том случае, если мы правильно себя поведем.

Она вопросительно изогнула бровь. Без серьги, обычно в ней висевшей, это выглядело странно.

– Что ты имеешь в виду?

– Постарайтесь как можно меньше упоминать призраков и духов. А лучше вообще их *не упоминайте*, пока вас не спросят об этом напрямую. И даже в таком случае отвечайте как можно более кратко.

– Меня позвали, чтобы поговорить со старухой Элис! – закричала она. – Что я и сделала. И она хотела, чтобы все они сдохли. Это же правда! Предлагаете мне врать под присягой?

– Господи! Неужели вы *действительно* верите, что?... – Я потер лоб и решил, что с меня довольно потакания чужим капризам. – Что ж, ладно. Говорите, что хотите. Посмотрим, как присяжные и шериф воспримут вашу версию о том, что шестерых людей убил чертов призрак из Криплгейта!⁸

Я встал и уже собирался уйти, но Макгрей усадил меня обратно.

– Ой, ну не дуйся ты, Перси. И, Катерина, мне больно это говорить, но вам и правда стоит прислушаться к нашему ранимому денди.

Мы с Катериной сидели молча, насупившись как дети, которым сделали выговор.

Я набрал воздух. Время утекало.

– Как, по-вашему, есть ли что-нибудь еще, – сказал я, – что нам следует узнать, прежде чем мы отправимся в суд? Что угодно? То, что вы нам до сих пор не сообщили?

Катерина поерзала.

– Нет.

– И ничто из того, что вы говорили или делали, не сможет вызвать подозрений? – настаивал я. – Нам лучше быть наготове.

Она вперилась в меня немигающим взглядом, довольно неуклюже барабаня пальцами по столу, словно управлять их движениями без несуразно длинных ногтей ей было затруднительно.

– Нет, – в конце концов ответила она, но что-то в ее лукавых зеленых глазах выдало ее вопреки уверенности в голосе. Думаю, даже Макгрей понял, что она была с нами не полностью честна.

⁸ Речь идет о старой городской легенде Лондона. В XIX веке молодая жена башмачника сильно заболела и перестала дышать. Ее нарядили в подвенечное платье, надели на палец обручальное кольцо, положили в гроб и отвезли в церковь в Криплгейте (район Лондона). Ночью в церковь пробрался вор, который позарился на кольцо, но не смог его снять и поэтому решил отрезать палец целиком. Когда он сделал надрез, из раны пошла кровь, а покойница очнулась. Ошарашенный вор сбежал, а женщина кое-как вернулась домой, где ее выходили родные, после чего она прожила еще несколько десятков лет.

11

У шерифского суда был собственный зал заседаний; отдельное строение располагалось позади здания парламента за мостом Георга IV. Мы проехали мимо собора Святого Жилия с его почерневшим шпилем и, повернув за угол, увидели, что у ворот уже собралась небольшая толпа. Причем не только работяги и прачки, но и молодые особы куда более состоятельного вида, не нашедшие для себя занятия получше. Двое мальчишек быстро набивали карманы, торгуя газетами от прошлой недели – теми выпусками, что рассказывали о деле в мельчайших подробностях.

Те же мальчишки первыми поняли, кого мы привезли. Они завопили, указывая пальцами в нашу сторону, и к тому времени, как наш экипаж остановился, вокруг уже собрались зеваки, которые так плотно сбились у моей двери, что я не смог ее открыть. Макгрей пинком распахнул дверь с другой стороны кеба, тем самым свалив наземь с полдюжины людей.

Он и еще несколько полицейских помогли нам выбраться наружу и окружили Катерину плотным щитом, пока мы торопливо пробирались внутрь здания. Она предусмотрительно накрыла голову темной шалью – и не зря, поскольку парочка подлых ротозеев швырнула в нее какие-то гнилые овощи. У меня уши краснеют, когда я вспоминаю, что Десятипалый прокричал в их сторону.

Я пробрался сквозь давку и последним зашел внутрь, но обнаружил, что в холле столь желюдно. Полицейские провели нас боковым коридором, закрытым для посетителей, и из него мы попали в небольшую комнату ожидания.

– Здесь мы с вами расстаемся, – сказал Макгрей заметно приунывшей Катерине. Женщина тяжело дышала и прижимала дрожащую руку к груди, другой пытаясь поправить шляпку. – Но мы будем в первом ряду. Все пройдет хорошо.

– Спасибо, Адольфус, – пробормотала она, сжав его ладонь. – Я знаю, ты сделаешь все, что в твоих силах.

Она взглянула на меня со смесью тревоги и глубокой печали. Мне хотелось как-нибудь ее утешить, но я не смог подобрать слов, поэтому просто кивнул ей и, развернувшись, зашагал в сторону зала суда.

Ни разу с тех самых пор, как я вел в Лондоне дело Милашки Мэри Браун, не доводилось мне видеть такого столпотворения. Деревянных скамей и вовсе не было видно – люди набились в зал как селедки в бочку. Скамья, отведенная для газетчиков, тоже была переполнена: репортеры лихорадочно набрасывали заметки и галдели с горячностью студентов. Все это походило на общественный бал: в дальних рядах я заметил даже тучного парня, который, не особенно скрываясь, торговал пирогами.

– Это что, слуга Катерины? – шепнул я Макгрею. Он только усмехнулся в ответ, и я покачал головой. – Что ж, если кого-то и ждет сегодня выгода...

– А вон Десятипалый Макгрей! – крикнул кто-то с галерки, за чем последовал взрыв хохота и улюлюканья.

– *Нужный палец у меня на месте!* – взревел тот, но гвалт от этого только усилился.

– Инспекторы! – услышал я голос с переднего ряда. Это был констебль Макнейр, который занял для нас два места.

– Где доктор Рид? – спросил я у него, как только мы сели. Из-за шума нам приходилось перекрикиваться.

– Все еще в морге, сэр. Сказал, что до конца слушания постарается принести вам хоть какой-то результат.

– *Чего?* Какого черта он там столько копается? – в кои-то веки Десятипалый разделял мое негодование.

– Имейте в виду, тут кое-кто присутствует, – предупредил Макнейр, оглядываясь назад. – Видите леди вон там? В большой черной шляпе со страусовыми перьями?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.